Венец Безбрачия

Автор:
Кристина Юраш

Венец Безбрачия

Кристина Юрьевна Юраш

Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези

Если к вам попала забава для старой девы в виде старинных часов с единственной стрелкой, выбросьте ее и трижды вымойте руки! Иначе явится демон и предложит сыграть в игру. Единственная ставка с вашей стороны – любовь. Если вы выигрываете, вас ждет самая крепкая, самая счастливая любовь на свете, а если проигрываете, то на всю жизнь получите неснимаемый венец безбрачия! Условия просты – раз в три дня, ровно в полночь, к вам присылают очередного жениха из другого мира. И вы должны провести с ним 66 часов.

В квартирке Светы Куницыной уже побывали принц с конем, оборотень, дракон, кентавр, русал и многие другие. Но она не сдается. Если цена любви – нервы и капитальный ремонт, Света в игре! А приз она уже выбрала!

Кристина Юраш

Венец безбрачия

© К. Юраш, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая

Клизма личной жизни

Жизнь не сахар и не мед,

Или принц мой «идиёт»?

– Мы тут с любимым решили устроить маленький праздник, – я изучала глазами обои, на которых сидел жирный комар-кровосос. – Да… Что подарил? Мм… Секрет! Только что приехали из ресторана! Обещал незабываемую ночь! Подарок? Ой! Я еще не открывала коробочку! Нет, мам… Не кольцо… Пока рано… Да и я еще сомневаюсь… Что значит, куда мне сомневаться? Что значит «тридцатник»? Ты так говоришь, как будто завтра я встану в очередь с бабками под кабинетом районного терапевта, а потом поеду за яйцами на другой конец города в час пик с оптовой тележкой-ногодавкой, потея в «похоронном» пальто в сорокаградусную жару… Что значит «тяну»? Кого и за что я тяну?! За что его тянуть в загс? А если будет вырываться? Зачем мне сувенир без мужика? Мама! Животное, попав в капкан, может отгрызть себе лапу! Ты хочешь, чтобы мужик выбирал между достоинством и свободой?.. Мам! Прекрати! Ладно, все, пока… Мне уже пора, меня зовут! Целую! Я что, птичка, чтобы залетать в первую попавшуюся клетку? Все! Папе привет! Цем!

На кухне хлопнула дверь. Никогда не думала, что моего жениха будут звать Сквозняк. Такое чувство, что рядом со Сквозняком должен сидеть на корточках Сухарь, Кирпич и Серый. Или, возможно, даже на одних нарах, ибо приличного мужчину, особенно того, о котором я уже месяц рассказываю маме, Сквозняком не назовут.

Волоча тапки по полу, запахивая розовый халат и вдыхая запах цветов, подаренных мне на работе в честь окончания сезона охоты на мужей, я поплелась на кухню. «Тридцать лет – начало жизни! Тридцать – это вам не шутки!» – гласила первая открытка с букетом, который впору подарить бабушке для перепродажи возле перехода. «Медсестра! Готовьте клизму! И неси скорее утку!» – всхлипнула я, тоскливо провожая напоминание об ушедшей юности в мусорное ведро. «Повторю тебе я снова пожеланья от души! – пробежала я глазами открытку с плюшевым мишкой. – Под венец тащи любого! Отбивается –

глуши!» – вздохнула я, разрывая открытку на части. «Юбилей, летят года… Ты все так же молода! – читала я, скептически поднимая бровь. – Ты все нравишься мужчинам…» У которых есть морщины! Замечательно! Спасибо, девочки! Век не забуду. Еще бы написали: «Лучшая подруга – водка! Рядом с нею ты – красотка!»

Я никогда пристально не приглядывалась к каждым штанам, идущим мимо, видя в каждом прохожем потенциального официального. И пока другие девочки на работе следили за руками любого вошедшего мужика, как наивные зрители за фокусником, мастера иллюзий проделывали один и тот же фокус: «Видите кольцо? Але… оп! Не видите кольца! Я свободен, словно птица в небесах!» – в надежде, что ему перепадет цветочек от восторженных зрительниц. Наш цветник дружненько аплодировал, одаряя фокусника нежными улыбками, даря себя в качестве награды, а я мрачно смотрела на персональные данные, которые защищала по закону со страшной силой, ибо штамп «Женат» действовал на меня не хуже таблички «Занято», висящей на гвоздике общественного туалета.

«Ты планочку-то снизь! Иначе совсем одна останешься!» – советовала заботливая мамочка, как бы намекая на то, что по возрастной шкале я плавно перешла из категории «любовь» в категорию «любой». Мамочка настаивала на том, чтобы я немедленно откопала себе кого-нибудь завалящего, уверенными шагами потащила в сторону загса и в нужный момент наступила на ногу, чтобы «А-а-а-а!» сошло за радостное «Да-а-а!». Она спала и видела, как растерянный жених дрожащей рукой надевает на мой палец кольцо, зная, что мои родственники держат его на прицеле бутылок шампанского: «Стоять! Не двигаться! Ставь подпись! Надевай кольцо! Полегче, парниша! Мы должны видеть твои руки!»

Среди подарков на мой юбилей были парные кружечки «Любовь и голуби», подушечка с котятами и набор стаканов, намекающие на то, что моим единственным собутыльником будет кошачья армия.

Пройдет еще немного времени, и любой халат превратится в шубу на кошачьем меху, тапки станут валенками, а о том, что у меня есть как минимум парочка половозрелых котов будут знать все сотрудники, подозрительно принюхиваясь ко мне. Они уже будут отличать Барсика от Мурзика не только по фотографиям в телефоне, но и по запаху моей одежды! Вся моя зарплата будет уходить на кошачий корм и наполнители для лотков, и жизнь на мне поставит жирный крест. Кстати, а почему бы не назвать котов Герлен, Шанель, Хьюго Босс? Чтобы потом, когда меня спросят, чем же от меня так пахнет, я могла с гордостью

ответить: «Известным брендом!»

В красивой коробочке с золотистым бантиком гремел какой-то сувенир. Чую, что где-то в ближайшем магазине подарков продавщица радостно потирала лапки, считая выручку, а на полке осталось пыльное место от мещанской статуэтки, отвратительной копилки, непонятной ерундовины, схваченной впопыхах, сразу после фразы: «Да бери уже! Ей сойдет!»

Ленточка лежала на столе вместе с крышкой, а из коробочки виднелась какая-то странная штука, похожая на часы. Спасибо за намек! Часики тикают! Увы, проходят «безразвратно» года, пригодные к разврату!

Я внимательно посмотрела на циферблат и с грустью осознала, что добрые производители зажали даже минутную и секундную стрелки, как бы намекая не думать о секундах свысока. Изучая сделанный под старину циферблат, мои глаза зацепились за странную надпись: «Любовь на кон свою поставь, и мир вокруг себя исправь! Но если вдруг ты проиграешь, ты старой девой умираешь. Забудь про риск, забудь про страх. Твоя судьба в твоих руках!»

Спасибо, дорогие мои коллеги… Как же вы мне все дороги! Настолько дороги, что я не пожалею денег на ваши поминки, если вдруг придется скидываться! Отличная штука – отличная шутка!

На дне коробки лежали маленький ключик с длинной цепочкой и записка, написанная незнакомым почерком.

Не упусти последний шанс! Судьба дает тебе аванс!

А я-то думаю, что это за очередь такая, опоясывающая земной шар? Вот оно что! Это же стоят одинокие женщины за авансом от судьбы! Кто бы мог подумать? Я-то думала что-то хорошее выдают, например зарплату, а тут, оказывается, последний шанс вручают! Авансом!

– Светлана Николаевна! – с укором заметила я, глядя на папки, которые притащила с работы. – У вас работы на три дня вперед. До утра, как хочешь, но НДС должен быть уменьшен до приемлемых жадным начальством сумм! Так что

хватит мечтать! Пора работать! Авансовые фактуры, надеюсь, ты не забыла?

Я пила чай, пикала калькулятором, отдуваясь и щурясь в очередной счет-фактуру. НДС приближал конец Светы со скоростью пять документов в минуту. Как я и говорила! Когда работа срочная и «незабиваемая», ночь обещает быть незабываемой. Ленка опять на место не положила накладные за май… А это у нас что? Где оригинал? Нет, я так не играю!

На столе лежали часы вместе с ключиком, который спрятался за сахарницу. На записке уже остался отпечаток моей кружки и дурного настроения. Нет, ну а почему бы и не проверить? Это явно какой-то прикол из сувенирной лавки. Я потянулась за ключом и часами, умудрившись перевернуть салфетницу.

– Итак, Светлана Николаевна! Сейчас будем торжественно завязывать с одиночеством или с верой в чудеса! – усмехнулась я, вращая ключик на пальце. – Сейчас как повернем ключ зажигания! Как понесемся в светлое будущее со скоростью сто мужиков в час!

Я вставила ключик в отверстие, повернула его до упора и замерла в ожидании какого-то подвоха. Часы пробили полночь, раскрылись на манер шкатулки и засверкали! В сиянии перед глазами появился черный силуэт, похожий на отброшенную тень. Я даже обернулась, чтобы проверить, не стоит ли кто позади меня. Нет, не стоит! Занавески с кукурузой трепетали и поднимались, словно от сильного ветра. Кружка задребезжала ложкой и поехала в свое последнее путешествие к краю стола. Экран ноутбука погас, а потом вспыхнул белым, выдавая все возможные ошибки, о которых были не в курсе даже разработчики. По монитору поползли полосы, колонки хрипели, как умирающие на последнем издыхании, лампочка тревожно мигнула, намекая на то, что суеверные люди не ошибаются. Концу света быть! И концу Светы тоже!

Я со скрипом отодвинулась подальше от сияния и тени, пытаясь нашарить на столе телефон, чтобы успеть напоследок предупредить начальство, что в связи с безвременным концом Светы им придется платить налоги в тройном объеме!

– Здравствуйте! – послышался надменный мужской голос в тот момент, когда я подтягивала к себе папки.

Обычно такими голосами здоровается проверка, вежливо заглядывая на огонек. Пока начальство в своем кабинете давится галстуками, Леночка трясется, как чихуахуа с болезнью Паркинсона, генеральный директор принимает успокоительное, а я с песнями и плясками – проверку, воюя за каждую бумажку и цифру.

– Все, – вздохнула тень, выдав вместо выдоха протяжный и задумчивый стон. – Накрылся каленой сковородкой мой отпуск! Отлично! Просто прелестно! А все из-за чего? Из-за того, что какой-то женский неликвид возжелал устроить свою личную жизнь! Так, что мы имеем? Ты хоть один стул занимаешь или сразу два? Черти уже успели намолотить горох на твоем лице? Где твоя кошачья армия?

Из дыма мне навстречу шагнул красавец писаный, а выражение лица – словно соседская собачка успела отметиться на его штанине.

Брови у него сложились домиком, потом нахмурились. Красавец склонил голову, тряхнув каштановыми прядями, задумчиво сузил карие глаза, шумно вздохнул, оценивая мое гнездо на голове, как профессиональный парикмахер.

– У тебя-то что? – зевнул он, зацепив взглядом мой красивый маникюр и домашний халат. Я пыталась осторожно пальцами ноги подтянуть к себе слетевшую тапку, пытаясь понять, что вообще происходит?

– Какого черта? – простонала я, глядя, как ноутбук пошел на перезагрузку. Из розовой папки «Апрель» вывалились накладные.

– Вот и я хочу спросить тебя! Какого руководства? – раздраженно усмехнулся красавец, а потом приблизился ко мне, заглядывая в глаза. – Слушай, у меня отпуск накрылся каленой сковородой, так что я очень зол! Ты себе не представляешь как! Я тысячу лет не был в отпуске! Тысячу лет!

Незнакомец сардонически прыснул, глядя на меня, мол, куда моим интеллектуальным способностям до его проблемы.

– Тебе по трудовому законодательству он положен! – фыркнула я, подгребая отчеты и снова вкладывая их в папку. – Или компенсация! При увольнении! Надеюсь, это тебя хоть немного утешит!

– Понятно, – снова шумно вздохнул красавец, осматривая меня. – И что? Сейчас начнется нытье: «Ой, да не родился такой мужик в этом мире, который оценил бы мой тонкий внутренний мир и ослепительную внешнюю красоту»? Или «все мужики – козлы, бараны и прочие копытные, а я – незабудка со съемной будкой тридцать метров квадратных»? Или «мне, пожалуйста, молодого миллионера с яхтой, машиной, виллой»?

Мужчина осмотрелся и увидел, что на нем деловой костюм и бейджик.

– Ой-ой-ой! Корпоративная этика? Да? – сплюнул красавец, срывая бейджик и швыряя его на пол. – Костюмчик, бейджик… Это что у нас? Галстук? Ой-ой-ой!

Резким движением галстук полетел к бейджику, а у меня возникло странное чувство, что мне вызвали стриптизера, чтобы скрасить мой одинокий праздничный вечер. «Алле! Здравствуйте! Нам нужен стриптизер, который будет играть рассерженного офисного планктона, тысячу лет не бывшего в отпуске! Диктуем адрес!»

– И что у нас за беда? – поинтересовался красавец, взъерошив волосы и расстегнув удавку верхней пуговицы воротника.

– В данный момент беда – это ты, – прокашлялась я, глядя на остывший чайник. Я сомневалась, либо предложить чай, либо приложить чайником. Не знаю, как будет гостеприимней?

– С личным что у нас, наказание мое? – наседал на меня взъерошенный красавец, поглядывая на часы.

– Не складывается, – мрачно закатила глаза я, глядя на три расстегнутые пуговицы его рубашки.

– Простая арифметика! Ангел мой, чтобы жизнь складывалась, нужно видеть в ней плюсы! Если личная жизнь не складывается, нужно научиться видеть в мужиках плюсы! – хмыкнул красавец, перебирая пальцами мои бумаги и закатывая глаза. – А не то что этот – скотина, этот – подлец, этот – бомж, этот – урод, этот – придурок!

– Не клеится! – пояснила я, подтягивая к себе оставшуюся макулатуру.

– На слезы пробовала, наказание мое? – осведомился красавец, усмехнувшись и заглядывая мне в глаза. – Если не получается, то пробуй на сопли! Пустила розовую соплю, прикинулась дурочкой и неумехой, сразу мужики клеиться будут! А не то что «я сама!», «я все могу!», «на хрена мне мужик!». Я тут и гвоздь забью, и деньги заработаю, и пробки ввинчу! Вот и платите за свое «я сама!» одиночеством!

– Все! Пошел вон! – фыркнула я, хлопая стопкой отчетов по столу. – Обратно, в свой отпуск! Отпускаю тебя! Иди, гуляй!

– Нет, ну ты, конечно, наказание мое, хорошо загнула! Поздно уже! – закатил глаза красавец, глядя на меня презрительным взглядом. – Правила знаешь? Нет? Сейчас объясню! Дай же дьявол мне терпения! С того момента, как ты повернула ключ, началась игра. Ты уже сделала свою ставку. В любой момент ты можешь выйти из игры, произнеся фразу: «Все, что было по контракту, позабудь! Лучше уж никак вместо как-нибудь!» Учти, что последствия выхода из игры очень грустные для тебя.

– Тебя как зовут? – поинтересовалась я, глядя на бумажку, которую небрежно засунули мне в руку. Несмотря на зловещее предупреждение, меня уже мало что пугало.

– Имя мне – легион! – наигранно-пафосно ответил красавец, сдувая прядь каштановых волос с красивого лица.

– А что ж ты тогда за «Барселону» не играешь? – гадко усмехнулась я, глядя на «легионера».

– Те футболисты, которых к нам посылают, от мяча шарахаются! Такое чувство, что их не в футбол учили играть, а в выбивного! – ответил обреченной улыбкой, я так понимаю, демон. – Ты думаешь, чего нас так раскатала сборная рая по футболу на последнем чемпионате? Смотреть было стыдно. Я даже не ходил! Позорище! Так! О чем это я? Читай инструкцию! Ровно в полночь появится первый кандидат! Помни, ты всегда можешь сойти с дистанции! Любовь – это не душа.

Демон шагнул в сторону часов, осмотрел мою кухню, а потом повернулся ко мне и снова вздохнул:

– Хорошая была квартирка… Кстати, почем снимаешь?

– За двадцать пять, – ответила я, спохватившись и уткнувшись в календарь. Нет, еще рано…

– Дороговастенько! Даже для этого района! – поджал губы демон, снова глядя на пятно на обоях. – Хозяину привет! Хотя нет, не передавай. Мы с ним и так однажды свидимся!

Я развернула врученную мне бумажку и стала вчитываться. Отчеты лежали на столе, тапка телепалась на большом пальце ноги, а в кружке давно остыл мой чай.

Договор

Светлана Николаевна Куницына, душа номер 22362902534953445789 9/а, повернув ключ, заключила договор с адом, далее Заказчик, в лице Вельзевула Люциферовича Сатаны, душа номер 0, далее Исполнитель, о следующем. Предметом договора является «Любовь», далее Предмет. С. Н. Куницына делает ставку на Предмет договора в обмен на кандидатов. Исполнитель обязуется предоставить кандидатов в ассортименте. Мир обитания кандидата выбирается по усмотрению Исполнителя (любой). По завершении контракта Заказчик имеет право определиться с выбором…[1 - Под выбором подразумеваются те кандидаты, которые провели с Заказчиком 66 часов.]

Я взяла лупу и полезла смотреть сноску, написанную мелким шрифтом.

Претензии к Исполнителю не принимаются. Если по завершении игры ни один из кандидатов не был выбран, Заказчик забирает себе неустойку в виде Предмета договора. Исполнитель обязан подписать Акт выполненных услуг. Если по завершении игры Акт выполненных услуг не будет подписан в течение трех часов, то он считается подписанным по умолчанию! Кандидаты появляются в

полночь по местному времени Заказчика. В случае, если кандидат не появился в назначенное время, обращайтесь на горящую линию. В случае, если Заказчик определился с выбором, его ждет настоящая любовь. Исполнитель не будет иметь претензий к Предмету договора.

Число, дата и подпись.

До полуночи оставалось два часа. Нет, ну а почему бы и нет? Я как раз успею отчет доделать и прибраться перед приходом первого кандидата.

Внезапно лежащие на полу часы засияли, появилась знакомая фигура и, закатывая глаза, протянула мне какую-то бумажку.

– Защита персональных данных! Подпиши! – в моих руках очутилась половинка пергамента.

– А от кого их защищают? – поинтересовалась я, глядя на стандартную форму.

– А я откуда знаю, наказание мое! – фыркнул демон, пока я пробегала глазами знакомые формулировки. – Надо, значит, надо.

– А смысл? – пожала плечами я, прикидывая, как и в чем буду встречать первого жениха.

– Нет, ну а вдруг ты в рай собралась? А там небесная канцелярия сделает нам запрос, мол, какие грехи числятся за тобой… – коварно заметил демон, пока я искала, в чем подвох.

– И вы им, надо думать, не скажете? – поинтересовалась я, прикидывая, сколько уже накопилось на моем личном счету. – Если я подпишу эту бумажку, то они не узнают о моих грехах?

– Скажем, куда денемся! – развел руками демон. – Просто, если не подадим, они орать будут, где бумажка про защиту персональных данных?

– Понятно, – я расписалась поверх галочки для галочки и вручила половину пергамента обратно.

Демон исчез, а из часов раздался такой голос, от которого обделаются даже самые стойкие.

– Спасибо, что воспользовались нашими услугами, – прорычал инфернальный голос, от которого я сразу похудела килограмма на три. – В целях контроля качества обслуживания оцените работу специалиста по пятибалльной шкале. Пять – специалист был вежлив, опрятно одет, вел себя корректно, не хамил, не грубил, отвечал на все вопросы по существу. Единица – специалист вел себя по-хамски, разнес все вокруг, покушался на вашу жизнь.

Перед глазами повисло пять звездочек. Я опасливо протянула руку и поставила сразу пять звезд нашему пятизвездочному специалисту.

– Спасибо, что уделили нам время! Внимание! Собери семь смертных грехов и получи сковороду! Собери шесть смертных грехов – котел! Собери пять – барбекю! Собери четыре – гриль! Собери три – вафельницу! Собери два – мультиварку! Собери один – зажигалку! В розыгрыше могут принять участие все грешащие! – закончил голос, и часы померкли.

Супер! В соседнем супермаркете идет точно такой же розыгрыш! Кстати, о супермаркете! Надо будет стол накрыть… Придумать что-нибудь эдакое! Поразить прямо в желудок потенциального жениха. Насколько мне известно, прямое попадание пищи в мужской желудок иногда приравнивается к тяжелой артиллерии Купидона!

Битый час я отдраивала плитку на кухне, мыла полы, протирала сантехнику и полировала мебель. Даже кровать заправила и обувь выставила в рядочек.

Я уже минут двадцать прибиралась в шкафу, складывая вещи на полочки и развешивая по вешалкам, заодно выбирая, что надену в честь такого торжественного события. Еще час я с остервенением приводила себя в порядок: шлифовала кожу, выщипывала брови, стонала от едкой маски «долой несовершенства», одной рукой делая себе педикюр, а другой вытирая запотевшее зеркало. На меня смотрела зеленая невеста Шрека, с банным полотенцем на голове. Я орала как резаная, срывая восковые полоски с ноги,

понимая, что пора бросать добродушного Шрека и уходить к Халку, который оценит мое мужество по достоинству. Фен, работающий в режиме «сдуем весь скальп», нижнее белье, которое я надевала всего два раза в своей жизни, запах лака по всей ванной и выкипающая картошка на кухне – час приготовлений пролетел незаметно.

И вот я, покачиваясь на шпильках, поправляя белокурые локоны, причмокивая при каждом удобном случае сочными губами, которые пришлось рисовать минут десять, накрываю стол на две персоны, бережно расправляя салфеточку и доставая трофейное шампанское. Я готова к самому романтическому вечеру в моей жизни!

Пока я допиливала ноготь, снова чмокая губами и поправляя макияж, критично присматриваясь к своему отражению в карманном зеркальце, моя кухня блестела такой стерильностью, которой позавидует даже операционная. Стрелки кухонных часов приближались к полуночи, тикая в абсолютной тишине тревожного ожидания. Хоть бы получилось! Хоть бы получилось! Папки лежали по цвету, яркие ярлычки закладок радовали глаз, а на обоях красовалось кровавое пятнышко комара, которого я все-таки выследила и прикончила. Послюнявив палец, я украдкой потерла клеенку на столе, стирая след кружки. Три… Два… Один…

Я затаила дыхание, скрестила пальцы на руках, закрыла глаза. Ничего? Как ничего? Что значит «ничего»? Меня что, обманули? Часы лежали на столе, ключик висел на шее, кокетливо, спрятавшись в декольте.

Глядя на часы, показывающие ноль-ноль часов ноль-ноль минут, сердце решило больше категорически не верить в чудеса.

И тут из коридора донеслись конское ржание и мужской голос: «Полегче, дружище! Стой смирно!» Потом что-то перевернулось, зашуршало и громыхнуло. После этого раздались цоканье по плитке, мужская ругань, неприличный звук, который мне совсем не понравился, завершившийся радостным конским ржанием.

Я тоже поцокала на каблуках к двери, ведущей в коридор, опасливо открыла ее и обомлела! В моем коридоре стоял белый конь, на котором восседал золотоволосый красавец с синими глазами. На его доспехах была выгравирована

золотая корона, на боку телепался меч, а сам он пригибал голову, цепляясь за лампочку, ибо те, кто строил этот дом, никак не могли предугадать, что однажды в моей прихожей появится самый настоящий принц на белом ко… Не! Это были мои туфли! Фу! Я принюхалась, глядя на свои выходные туфли, в которых с горкой красовался подарок от коня. Приятно, когда гости приходят не с пустым желудком! Тумбочка была перевернута, моя расческа торчала из конского навоза. Там же поблескивали мои ключи. Конь посмотрел на меня грустными глазами, мол, это не я, это принц, а потом жалобно заржал…

Глава вторая

Коньдидат

Коня на каку остановит, в вонючую избу войдет!

Я смотрела, как качается абажур коридорного светильника, который синеокий принц бодал головой. Запах в коридоре был такой, словно мне подвезли три мешка удобрений, а потом, узнав, что выгружать некуда, просто свалили в коридоре. Любопытный конь поцокал ко мне, припирая меня к двери туалета, а я поцокала на каблуках от коня, пытаясь нащупать заветную ручку. Лошадка посмотрела на меня карими глазами, фыркнула, грызя удила, помотала головой, повела ухом, пока принц пытался торжественно спешиться, громыхая мечом и доспехами.

– Приветствую тебя, о прекрасная дама! – пафосно поприветствовал меня принц, тряхнув роскошными локонами и требуя мою руку, которую я опасливо протянула.

Герой девичьих грез приложился к ней, не сводя с меня прекрасных глаз «покорного слуги». Я заглянула в глубокие синие озера, понимая, что он действительно прекрасен. Прямо как из волшебной сказки, по обложке которой размазывают розовые сопли наивные девочки.

– Мой верный друг привел меня сюда! – высокопарно заявил принц, кивая в сторону коня, который мялся в коридоре, растаптывая навоз, мои ключи и

кроссовки. – Я спешил издалека, дабы припасть к руке прекрасной дамы!

– Мм… – замялась я, включая свет в коридоре, чтобы рассмотреть получше настоящего принца. Внимание! У меня в коридоре настоящий принц с конем! Вход платный! Деньги вперед! Мужественный взгляд, красиво очерченный подбородок, изумительный профиль, белоснежная, ослепительная улыбка… Стопроцентный принц. Прямо по ГОСТу.

Конь, едва завидев включенную лампочку, заметался по прихожей, перевернул вешалку с одеждой, несколько раз прошелся по моей сумке, хрустя ею, и втоптал в навоз вторую часть моих отчетов, разорвав копытом пакет.

– Что ж ты, друг мой, сдрейфил? – ласково пытался успокоить коня принц, похлопывая его по спине. – Не любит он чародейства!

– А кто убирать это будет? – икнула я, глядя на то, как лошадку удалось успокоить ценой еще одной кучи, наваленной прямо посреди коридора.

– Слуги уберут! – отмахнулся принц, а я что-то не заметила клининговое агентство, которое бежит по пятам за принцем. Ага! Пустяки! Дело-то житейское! Конь хрипел, тяжело дышал, испуганно глядя на хозяина. Внезапно по батарее раздался такой отчаянный стук, словно кто-то бился об нее головой в надежде покинуть мир нетрадиционным способом.

Боевой конь, заслышав эти воинственные звуки, тут же заржал и стал брыкаться так резво, что разлетелось зеркало на одной створке шкафа, а на второй створке появилась вмятина от подковы. «На счастье!» – шепнула мне народная примета, а я уже слышала, как счастливые соседи снизу стучат в мою дверь так, что ритм напоминает ускоренный похоронный марш.

– Враги наступают! По коням! В бой! – заорал принц во всю королевскую глотку, пытаясь снова вскочить на своего боевого друга и ринуться в самую гущу сражений за тишину и порядок. – Мы должны отбить атаку! Прячьтесь, прекрасная дама, иначе ваша честь будет поругана!

Мою честь уже ругали на всю лестничную клетку, так что тут бояться нечего.

– У тебя там что, кони скачут?! – визгливо орала соседка, пытаясь достучаться до меня ногами по моей несчастной двери.

Никогда мои проницательные соседи не были так близки к истине!

– Мы сейчас отряд… тьфу ты, наряд вызовем! – басил сосед, выламывая мой звонок, который заклинило на первой же трели. Лошадка была меломаном, поэтому тут же пустилась в пляс!

– Вызывайте подкрепление, подлые враги! – воинственно орал принц, которого я стягивала с коня, не давая герою снова забраться в седло. – Я вас всех побежу! Никогда еще династия…

– Открой быстро дверь! – басил сосед, пока остатки моей чести размазывали по гулкой акустике подъезда. – Ночь-полночь на дворе, а у тебя там скачки! Совесть совсем потеряла! Сейчас хозяину позвоню!

– Так ты рабыня? – ужаснулся наш бравый друг, выхватывая меч. – Я готов принять бой! Я вызываю хозяина на бой! Если я одержу победу, то девушка получит свободу!

– Открывай! – верещала престарелая соседка Матвевна, молотя руками в мою дверь. – Иначе мы вызовем участкового!

– Так они маги? – прищурился принц, оглядываясь по сторонам. – То-то я чую неладное! Если они сейчас вызовут участкового демона, то я, конечно, попробую сразиться с ним, но если паду смертью храбрых, похороните меня вместе с моим мечом!

Внезапно я озверела. Обычно я зверею, когда не хватает документов или средств на счету фирмы, чтобы оплатить налоги, но в этом случае у кого-то просто не хватало мозгов. «Ты – сюда!» – прошипела я, заталкивая героя на кухню и закрывая межкомнатную дверь на ключ. Конь хрипел и пятился, а я уже поймала его за какой-то ремешок и пихала в комнату, закрывая дверь. Заталкивая навоз ногой под тумбочку, я прокашлялась, одернула одежду и посмотрела в глазок. Возле моей двери стояла вся нижняя площадка, предлагая свои варианты, как дополнить «Молот Ведьм». На ком опробовать – они уже решили.

Я боязливо повернула скрипучий замок, выглядывая навстречу разъяренной публике.

– Да ты что себе позволяешь! – бросилась на меня Зинаида Павловна, запахивая зеленый халат, тряся бигуди на голове и гневно сопя. – Время видела? С ума посходили! Спать людям не дают!

– Мы тут просто празднуем день рождения! – кротко улыбнулась я.

На меня посмотрели так, словно число и месяц на могильной плите удивительным образом совпадут. В комнате что-то грюкнуло и послышалось испуганное ржание.

– Празднуют они! – фыркнул Роман Эдуардович, закатывая манжеты клетчатой рубахи пряча телефон в карман синих спортивных штанов. Детская песенка «К сожаленью, день рожденья только раз в году!» пока что спасла меня от неминуемой гибели.

– Поздравляем! – хмуро заметила сгорбленная старуха Матвевна в застиранном халате сорокалетней давности, с оханьем спускаясь по ступенькам. – Потише будьте! А то у меня давление скачет! Как кони бегают! Ироды!

Если мне и желали долгих лет жизни, то явно не в этой квартире, поэтому я закрыла дверь, выдыхая и принюхиваясь. Если в вашей квартире пахнет хуже, чем в вашем подъезде, – это уже повод бить тревогу!

Сначала я решила заглянуть к коню, который молча и задумчиво жевал мое одеяло, игриво прядая ушами. Рядом с ним лежала свежая порция лошадиного испуга. Следующим на очереди был запертый на кухне принц. Я приоткрыла дверь и увидела, как герой отряхивает свое королевское достоинство над раковиной, заправляя его в штаны. В раковине валялась недомытая посуда и розовая губка.

– Скажи служанке, пусть перемоет! – пренебрежительно заметил герой, доедая оставленную в качестве романтического ужина картошку. – Отличный у тебя повар! Отменно готовит! Отец мой недавно казнил своего за то, что тот, урюк проклятый, пересолил похлебку! Мечом голову снесли! И жаркое у тебя

пречудесное! Прямо как я люблю! Скажи повару, чтобы и завтра такое же приготовил!

Я молча присела на табуреточку рядом, сиротливо глядя на оставшуюся половинку вареной картофелины. Принц доедал курочку, обсасывал косточки, а потом ловко кидал их под стол.

– Собакам! – усмехнулся его высочество, запивая шампанским всю трапезу. Горлышко шампанского было разбито, а на столе красовались огромные пенящиеся лужи. – Рассказывай, о прекрасная дама! Кто отец твой? Каковы его владения?

– Пенсия у него и «Волга», – вздохнула я, думая о том, что у меня, как назло, нет собак, когда под стол полетела очередная кость.

Старенькая «Волга», ржавая, как помойное ведро, иногда умудрялась если не довести семейство до инфаркта, то хотя бы довезти до дачи без спортивных приключений по специальной дисциплине «Тяни-толкай». Отец ласково хлопал «свою девочку» по просевшему багажнику, а я с горечью осознавала: то, как наше семейство заводит эту «ржавую дамочку», вполне бы сошло за видео для взрослых.

– Волга, Волга… – задумался принц, прихлебывая из бокала. – Это много?

– Это дорого, – вздохнула я, вспоминая, что вся папина пенсия идет на ее ремонт.

– Это хорошо! Славно! А земли у вас какие? – поинтересовался принц, осушая бокал до дна. – Хорошее вино! Правда, перебродившее, но доброе!

– Четыре сотки за городом, – ответила я, вспоминая нашу заросшую сорняками дачу.

– Хорошо! У тебя сестры есть? – крякнул принц, наливая себе еще один полный бокал.

– Я одна в семье, – пожала плечами я, пытаясь отодвинуть подальше отчеты, чтобы их не намочил чужой глазомер.

– Значит, половину тебе в приданое отдадут! Хорошо! – оживился принц, снова осушая бокал и ставя его на стол с такой силой, что отпала хрустальная ножка. Бокал полетел под стол, а я едва успела отдернуть ноги.

– Слуги уберут после пиршества! – успокоил герой, разглядывая меня хмельным взглядом. – Красивая ты! Мне вот тут недавно портрет принцессы показывали! Страшная, аж жуть! Папенька говорит, что жениться надобно! А я не хочу! Но на тебе бы женился! Вот братья обзавидуются! Старший уже женат, среднего только собираются женить на той принцессе, от которой я отказался, а у меня одного жена красавицей будет!

Почему меня не предупредили, что «было у отца три сына»? И мне, собственно, достался тот самый, интеллектуально развитый, политически подкованный, преисполненный духом боевого оптимизма младший?

Младший сын к отцу пришел,

И спросила кроха:

«Ты оставишь мне престол?»

Папе стало плохо!

– Как тебя зовут, принц? – поинтересовалась я, понимая, что, в случае чего, придется устраивать такие игры престолов, дабы добраться до заветной короны, что историки едва успеют конспектировать мои политические маневры.

– Айвэн из династии Пердальгон! – гордо ответил принц, ударяя рукой о металлический нагрудник. – И однажды я стану королем!

Было желание уточнить, не пишется ли через дефис еще какое-нибудь слово – приставка к имени. Например, Иван… Мм… Я тут даже затрудняюсь, если честно. Оптимист, наверное… Да, пусть будет оптимист.

– Пойдем, красавица, на боковую! – отрыгнул принц, ударяя кулаком, но уже по столу. – Славный пир был, жаль мало! Скажи слугам, чтобы коня моего

почистили, накормили, напоили и в стойло поставили!

Теперь я знаю, как называется мой коридор… Стойло! Уважаемые гости, разувайтесь, пожалуйста, в стойле!

– Помоги мне снять доспехи, красавица! – сверкнул глазами герой, протяжно зевая. – Не будем будить слуг! Время позднее! Пора на покой!

Логистическая задача для умных. Как завести коня? Сначала нужно выбрать комнату и завести туда коня! Как завести принца? Нужно вывести коня, а потом завести туда принца. Ответ прост. Главное – во время маневров не поскользнуться на навозе!

– Ложе-то одно! – усмехнулся принц, пытаясь расстегнуть ремень своих доспехов. В коридоре по плитке задумчиво цокал конь. – По древней традиции, если герою приходится ночевать в одних покоях с девой, то, чтобы не обесчестить ее, между ними кладут меч! И тогда слово рыцаря защитит ее!

Меч тут же разделил кровать на две половины, причем положили его предусмотрительно острием вверх.

– Дабы честь твою не запятнать! – заявил Айвэн, пока я приложила нагрудник к стене. Латы были с горем пополам сняты, а по комнате, смешиваясь с запахом конюшни, полз незабываемый и непередаваемый запах мужского пота и давно не стиранных портянок. Я чувствовала себя археологом, присутствующим при вскрытии саркофага и разматывании мумии. Причем лицо у меня было примерно таким же, как и у начинающего археолога со слабым желудком. Я была согласна поиграть с ним в доктора, но чтобы доктором был принц! Исключительно потому, что доктор, когда заходит в квартиру, не снимает обувь!

Сапоги стояли у изголовья кровати, а голый принц укладывался на свою половину, перетягивая одеяло на себя и прикрывая им венценосные полушария. Исполняющие обязанности мозга не должны мерзнуть ни при каких обстоятельствах!

Нет, идея с мечом мне понравилась. Что ко мне протянется, то мне на память и останется! Рука принца – неплохой сувенир для одинокой женщины. «Что, принца небось ждешь? Ну как? Дождалась предложения руки и сердца?» –

насмешливо интересуются знакомые, которым я с удовольствием помашу своим сувениром. Раздеваться я не стала, поэтому так и легла на подушку, тревожным взглядом сумасшедшего всматриваясь в потолок и опасливо отодвигаясь подальше от острия. Отрезанная рука принцессы – тоже вполне неплохой трофей для очень одинокого принца.

Рядом раздался жуткий храп, от которого задрожали стекла. Золотые кудри красавца разметались по подушке, одеяло слегка сползло, обнажая накачанный торс, о котором мечтают все, кто хоть раз заглядывал в качалку.

Время шло, а мне что-то не спалось. Где-то в коридоре жалобно заржал конь, хрустя осколками разбитого зеркала. Я полежала полчаса, а потом не выдержала, встала, схватила веник, совок и тряпку, принимаясь выметать из комнаты весь навоз. Освежитель воздуха, принесенный из туалета, слегка улучшил атмосферу в опочивальне, а я на всякий случай сбрызнула каждый королевский сапог. Брезгливо помыв посуду, выметя кости и битое стекло из-под стола и прибрав в коридоре, я снова улеглась на край кровати, понимая, что время – пятый час, а мне завтра на работу к восьми. И снова не спалось.

Сжалившись над конем, я принесла ему тазик с водой, задвинув его к стенке на манер кошачьей миски, а когда уходила – почувствовала под тапками свежую порцию лошадиной благодарности. Уважаемые цыгане, у меня есть отличный конь! Принц в подарок! Можно на органы! Рассмотрю любые варианты!

Сбегав за мусорным пакетом, тесьмой и скотчем, я стала делать «конячий» туалет. Пока мои умелые ручки пытались примотать к заду мирно спящего коня мешок повышенной прочности, меня несколько раз огрели хвостом по лицу. Через полчаса все некрасовские бабы взглянули на меня с уважением. Еще бы! «Коня на каку остановит! В зловонную избу войдет!» Кутаясь в халат, смывая с себя остатки макияжа, я улеглась досыпать.

Проснулась я не от будильника, а от стука! В душе промелькнула надежда, что принц по имени Айвэн решил закончить начатый природой процесс окончательным превращением в человека, на которого не обижаются. Меча возле стенки не было, зато в дверь просовывалась лошадиная морда, мол, иди, зацени, что там хозяин творит! Я уже поржал!

– Слуги! Да я вас всех перевешаю! – раздался с кухни рассерженный голос принца, а потом что-то громыхнуло. – Быстро несите завтрак! Приказываю! Немедленно! Ленивые бестолочи!

Зевая и потягиваясь, я пыталась разлепить глаза, чтобы понять, что долгожданный принц ко мне все-таки прискакал… И не сожрал же его по дороге какой-то милый и очень голодный дракон, не поймала добрая ведьма и не заколдовала его, не подвернулся он скромному чародею, который великодушно его задушил и спрятал тело в ближайших кустах!

– Есть хочу! – ударил кулаком по столу принц, свирепо оглядываясь по сторонам. – Где твои слуги? Зови их сюда! Выпороть их надо! Ничего! Сейчас я с ними разберусь! Сейчас они у меня попляшут!

Его высочество встал, подошел к двери холодильника, распахнул ее так, что где-то прижались друг к другу несчастные производители техники, следя за тем, чтобы она не отвалилась потребителю на ногу.

– Это дверь для слуг? – горделиво спросил принц, сопя, как ежик в тумане, и присматриваясь к содержимому моих полочек.

– Нет, это дверь для «суп»! – бросилась я к нему, закрывая заветную дверь. – Сейчас сама приготовлю!

– Как говорят в народе: «Не умеет хозяйка со слугами разговаривать, пусть сама в котле и варит!» – глубокомысленно заметил принц, снова усаживаясь за стол, пока я пыталась сварить ему гречку с сосиской.

– Я тебя раскусил! Решила любимого порадовать? Угодить ему? А? Недурно! Недурно! Теперь я знаю, что слуг ты сама распустила! – коварно заметил красавец, пока я чистила сосиску, снимая с нее полиэтиленовую обертку в меру своей распущенности. Через пятнадцать минут завтрак был готов, и даже полит кетчупом. Я положила на стол две вилки, уселась и принялась мрачно перебирать гречку в тарелке.

– Я такое есть не буду! – возмутился принц, отодвигая тарелку от себя. – Требуху нужно отдать слугам! Или собакам! Я еще член не ел!

В этот момент гречка, которая уже готовилась к экскурсии по моему пищеварительному тракту, попала не в то горло, вызывая у меня сдавленный кашель. Нет, я понимаю, что все бывает впервые, но… Но принц был с этим категорически не согласен! Гримаса отвращения не сходила с его благородного и неблагодарного лица, а лишь усиливалась, когда я наткнула свою сосиску на вилку и откусывала «окровавленный» кетчупом кусочек, с наслаждением пережевывая его.

– Это вкусно! – мило улыбнулась я, поглядывая на часы и понимая, что уже пора собираться на работу. – Это не то, что ты подумал!

Слово «подумал» и Айвэн в одном предложении встречались редко, обмениваясь объятиями и горестными вздохами. «Как ты там без меня?» – спрашивало слово «подумал». «Да ниче, потихоньку, – горестно вздыхало имя Айвэн. – Может, свидимся еще когда-нибудь!» И они грустно расстались, чувствуя, что если еще свидятся, то очень не скоро.

– Ешь уже! – я пододвинула тарелку, глядя на героя с нескрываемым раздражением. – Другого ничего нет!

– Не стану я есть эту требуху! – гордо ответил венценосный красавец. – И даже пробовать не стану! Выпороть повара! Перехвалил я его вчера!

Я шумно вздохнула, доедая гречку и запивая ее чаем. Да… Оперативка у принца слабенькая. Зато можно смело сказать, что дизайн симпатичный и железо неплохое! На секунду я представила, как прихожу на пункт сбора металлолома и сдаю его высочество при полной амуниции, а потом, потирая ручки, считаю денежку, которой хватит аккурат на проезд обратно. Ой! Что это я размечталась! Пора краситься и бежать на работу!

– Оголодаешь – съешь! – огрызнулась я, спеша в ванную. Конь цокал по коридору, шурша пакетиком-памперсом, пока я пыталась накрасить нервно дергающийся глаз. Кое-как изобразив на уставшей морде «лицо», я вихрем сгребла ноутбук и отчеты, застегнула портфель и…

– Ты куда? Я хотел сегодня просить твоей руки! – остановил меня принц, благоухая освежителем воздуха «Лесная свежесть». Телефон разрывался от звонков начальства, которое хотело видеть меня перед планеркой. Срочно! Судя

по гневным эсэмэскам, мне проще отрезать себе руку, бросить ее принцу, а потом с перемотанной бинтами культей выйти на работу и там торжественно издохнуть от потери крови. Может быть, у меня и был шанс выжить, но руководство было настроено решительно. А тут еще и конь провожал меня задумчивым взглядом, мол, на кого ты меня покидаешь?

– Я… мм… хочу навестить родителей! – сладенько соврала я, выковыривая навоз из ключей. – Попросить их благословения на наш брак… Батюшка у меня уж больно суров! Так что хочу поговорить с ним о тебе!

– Я поеду с тобой! – решительно заявил герой, но я воспротивилась и улизнула за дверь, закрывая верхний замок на два оборота. Надеюсь, памперса коню хватит до вечера, а принц случайно набредет на туалет и в этот момент ему подвернется скульптор Огюст Роден, который решит создать копию своего «Мыслителя», выбрав в качестве камня мой унитаз, а в качестве натурщика – его высочество.

В автобусе на меня все подозрительно косились, особенно девушки. Еще бы! У меня в коридоре – конь, на кухне – принц! Завидуйте молча! Ничего, что у меня из сумки навозом воняет! Это издержки большой и сказочной любви!

Головомойка ждала меня прямо с порога, ибо встречали меня не караваем с солью, а нагоняем с болью! Получив начальственный мотивирующий пендель, я со скоростью звука печатала документы, превращая свой стол в фабрику Деда Мороза, раскладывая все по кучкам. Под натиском контрагентов, я чувствовала себя сорокой-вороной из детской считалки: «Этому дала, этому дала, а этому не дала!» Отчет был благополучно отправлен и не менее благополучно получен, но у меня было такое чувство, что за ночь мой стул оброс иголками, поэтому я нервно ерзала, поглядывая на часы. Лена зевала и со скоростью эстонского ленивца раскладывала документы поквартально. Чтобы немного успокоиться, я полезла в Интернет, посмотреть про особенности средневекового быта и гигиены.

– Леночка, золотко, замени меня! – взмолилась я, представляя, что в моей квартире подходит под категорию «ночной горшок». – Очень надо… Чувствую себя плохо. Подпиши оставшиеся документы, а я завтра отправлю…

На часах был полдень, а я мчалась на всех парах домой, рисуя себе ужасающие картины. Первое, что меня смутило на подступах к дому, – знакомый черный пакет с завязками и тесемочка, сиротливо лежащие на подступах к подъезду. Смутили не только тесемочка и запах, но и след от копыта, оставленный на память о бывшем владельце. Я внимательно осмотрелась по сторонам, нервно сглатывая. Внимание! Внимание! Где-то по городу шляется принц на белом коне! Если он вдруг прискакал к вам, пусть у вас и остается! Я уже девочка взрослая, как-нибудь переживу!

На крыше соседской машины красовалась живописная вмятина, на асфальте валялись осколки битого стекла. Следующая машина тоже была изувечена так, что я под пытками не сознаюсь, что знаю того, кто это сделал! Взбегая по ступенькам, я радовалась, что лестничная клетка пуста, а значит, на меня подумали в последнюю очередь. Смущала лишь приоткрытая дверь моей квартиры и запах чего-то горелого. Лежащий на полу замок, изувеченный, словно его добивали чем-то увесистым, и обломки дверного косяка сильно меня насторожили. В коридоре было пусто, а с кухни валили черные клубы дыма. Я бросилась на кухню и застала самую настоящую полевую… ой, извините, половую кухню! На полу рядом с открытой дверцей холодильника сидел одинокий и голодный принц, а посреди кухни был разведен костер, в котором съежилась пластмассовая ножка стула и догорали какие-то бумаги. Его высочество держал на палочке окорочок и насвистывал какую-то грустную мелодию, вытирая жирные руки о мою занавеску.

– Ты цела? – радостно спросил он, бросая окорочок в огонь вместе с палкой. – Я думал, тебя похитили! Заперли в башне!

В моей жизни еще не было такого мужика, который бы так радовался моему приходу. Даже кушать приготовил! Что-то в груди рыдало, когда я смотрела на раковину и на дровишки, которые наш трудолюбивый герой наколол с запасом, лишив меня тумбочки.

– Я отправился тебя искать! Пришлось выломать дверь, чтобы спасти тебя! – мужественно сверкнул глазами принц, пока я открывала форточку и пыталась потушить ужин водой из-под крана, поливая костер из своей кружки.

– Слуги исчезли, а за стеной выл оборотень! – синие глаза героя округлились, а мне стало искренне жаль соседского пекинеса.

– Конь где? – процедила я, кашляя от дыма и пытаясь залить водой остатки «вечного огня» на братской могиле моих нервных клеток. – Где твой боевой друг?

– Это грустная история, – опустил глаза принц и тяжело вздохнул. На столе стояла нетронутая гречка и обветренная сосиска, на которой сидела жирная муха. – Когда-нибудь о ней сложат балладу! Я прикажу ее петь каждый день, на каждом пиршестве в знак уважения к моему верному боевому коню!

«И примешь ты смерть от коня своего…» – вертелось у меня на языке, а мысли о Вещем Олеге не давали мне покоя.

– Конь где? – наседала я на героя, по щеке которого скатилась скупая мужская слеза.

– Забрали разбойники! – сознался принц, положа руку, но не на сердце, а на меч. – Я поклялся, что поквитаюсь ними! Соберу армию и сотру это отродье с лица земель!

«Уважаемые цыгане, – я молча посмотрела на закопченный потолок. – Я была к вам несправедлива… Вы такие милые и замечательные… Но у меня к вам претензия… Какого черта принц еще здесь?»

– Я мужественно отбивался, несмотря на то, что их было много! – заявил герой, демонстрируя мне оторванный шеврон, на котором я успела разглядеть: «комитет по защите животных». Где-то под окнами взвыл мужской голос, а через десять минут завыла полиция.

– Оборотни! – спохватился принц, хватая меня за руку. – Прячься! Надо развести костры, чтобы отбиться от них! У тебя есть серебро?

– Да не оборотни это! – процедила я, извлекая из «костра» окорочок с прилипшей пластмассой. Сложив на тарелку «ужин», я отправилась в ванную мыть руки.

– Мама дорогая! – закричала я, увидев свою зубную щетку плавающую в унитазе. Рядом лежал перевернутый шампунь и окровавленное полотенце, порезанное на

ленточки. – Это что еще такое? Что случилось?

– Пустяки! Боевая рана! – мне показали обмотанную тряпкой руку. – Что сказали твои достопочтенные родители?

Я немного растерялась, понимая, что замуж – не в туалет. Можно и потерпеть.

– Они пока думают… Да! Но скоро примут решение, – сглотнула я, прибираясь на кухне и в ванной. – Скоро-скоро… Как только, так сразу!

Мне на плечи легли руки, как бы намекая, что я тоже могу принять участие в битве за корону, будучи супругой младшего сына. И поверьте, если я с усердием примусь готовить на всю королевскую семью, то королем он станет очень быстро. Но ненадолго.

– Милая, – прошептал принц, разворачивая меня к себе лицом. – Понимаю, что мои слова недостойны рыцаря, но есть способ, как влюбленным объединить свои сердца! Твой батюшка будет вынужден согласиться, если мы проведем ночь как муж и жена, а потом вывесим простыню со следами твоей чести! Я видел твое поселение! Ни одной честной девушки! Одни потаскухи!

О! Соседка все-таки постирала белье! Бабушка божий одуванчик Екатерина Никифоровна наверняка расстроилась бы, узнав, что она то самое слово нехорошее, которым клеймила, восседая на лавочке, всех, кто моложе ее. Доставалось даже Матвевне!

– Твой батюшка согласится, узнав, что ты обесчещена! У него не будет выбора! – страстно шептал принц. – Он выдаст тебя замуж, как только узнает об этом, правда, без приданого! Но я готов отказаться от него ради нашей любви!

А я-то думала, что две сотки в пригороде – предел мечтаний землевладельца! «Волгу» пополам делить не надо! Она сама скоро развалится. Забавляло то, что если бы я выходила замуж после каждой ночи, проведенной не в гордом одиночестве, то к тридцати годам у меня бы собрался приличный гарем!

– Так как? Ты согласна? Ты станешь принцессой! – шептал мне синеокий и по воле гуманистов-зоофилов пеший вандал, пока из открытой форточки

доносились соседские крики: «Да руки бы оторвать ему!» и – лай собаки. В дверь постучали. Я вздрогнула и собиралась открыть, но принц схватил меня за руку, трогательно заглядывая в глаза.

– Давай поговорим об этом позже! Кушай свой окорочок! – отмахивалась я, заслышав за дверью волшебную для законопослушных граждан фразу: «Откройте, полиция!»

– Нет, я хочу знать ответ сейчас же! – тянул меня Айвэн в противоположную от двери сторону. – Немедленно! Ты согласна?

– Посиди тихо! Я тебя умоляю! – взмолилась я, вырываясь и добегая до двери. На пороге стоял молодой лейтенант с протоколом в руках и кожаной папкой.

– Тут у нас акт вандализма зафиксирован. Несколько машин разбито. Вы что-нибудь знаете? Может, слышали? – равнодушно поинтересовались у меня, пока я лихорадочно соображала, что ответить. Искушение от мысли, что принц немного посидит в тюрьме, равнялось причиненному ущербу моей съемной недвижимости, но, вспоминая страдальческие глаза цвета моря, мое сердце сжалось от жалости к принцу-идиоту, и я пожала плечами, превращаясь в молчаливую Русалочку.

Наскоро подмахнув протокол, я нырнула в квартиру, облегченно выдыхая и закрывая второй, чудом уцелевший замок. В кроссовке все еще виднелась память о коне, моя кислая мина отражалась в трещинах зеркала, как бы символизируя разбитые детские мечты.

– Милый, – сглотнула я, пытаясь оттереть пол на кухне, стараясь не смотреть на закопченный потолок. – Мой отец не потерпит моего бесчестья! Он пойдет войной на твое королевство…

«Из да-а-алека до-о-олго! Ползет его “Во-о-олга”!» – пело что-то протяжно и грустно внутри меня, пока я сыпала моющее средство и с остервенением растирала его губкой.

– Поверь, он очень могущественный! А я не хочу войны, поэтому сказала, что чуть не убила тебя… Тьфу! – я выплюнула волос, который назойливо лез в рот. – На чем я остановилась? А! Полюбила тебя с первого взгляда… Я описала все твои

достоинства! Мужество, отвагу и… мм… отвагу! Мой отец ответил, что готов выдать меня замуж за такого замечательного жениха, но при условии, что…

Погодите? Это что? Счет-фактура на аванс ООО «Полимер»? Оригинал? Фух! Черновик! А то сейчас у меня пригорать начнет! За сто шестьдесят тысяч с меня голову снимут! Складывается впечатление, что принц уже имел опыт работы с черной бухгалтерией!

– Что? – взволнованно спросил герой, уставившись на меня и швыряя на пол обглоданную кость.

– Ты должен принести ему голову дракона! – сообщила я. Поверьте, дракон – это самое милое из всех мест посыла, которые вертелись у меня в голове. – Как я плакала! Я говорила отцу, что не хочу рисковать жизнью любимого, но он был категоричен! Голова дракона – вот цена нашего брака!

– Я прямо сейчас отправлюсь на поиски дракона! – занервничал принц, проверяя наличие меча на поясе. – Поспрашиваю у крестьян, где в последний раз видели дракона!

Ага, а потом придется спрашивать, где в последний раз видели принца! Не хватало, чтобы завтра ко мне заявилась полиция с вопросами про маньяка, который с фанатичным блеском в глазах рыскает по окрестностям, размахивая мечом и интересуясь местоположением дракона! Внезапно я вспомнила про бутылку коньяка, который мне подарили на случай, если мне вдруг приспичит спиться от одиночества! Я полезла в шкаф, достала бутылку, поставила стакан и щедро плеснула пойла его высочеству, чувствуя, что до пяти звезд он никак не дотягивает. Ни принц, ни коньяк.

– Выпей на дорожку! Это придаст тебе силы! – нежно прошептала я, положив руку ему на плечо. Через два часа я накрыла принца одеялом. Он засопел, положил голову на мою тапку, и что-то пробурчал про дракона. Выключив на кухне свет, оставив принцу его «подушку», умиляясь тому, как герой лежит, свернувшись клубочком, на почти отмытом кафеле, я приняла душ и легла спать.

Утром я проснулась оттого, что меня трясли за плечо так, словно пытались вытрясти дух.

– Где здесь продаются кони? – интересовался мужской голос, дыша на меня таким выхлопом, что я чуть не задохнулась. Какой конь?! А! Конь! Коню сейчас хорошо… Куда лучше, чем мне… Я ему даже слегка завидую …

Пока у меня выпытывали местонахождение ближайшего дракона, просили денег на коня, чтобы добраться до гада как можно скорее, я быстро наводила марафет. «Я поговорю с отцом! Не могу отпустить тебя, любимый, на верную гибель, – приходилось сочинять на ходу. – Тебя он видеть не хочет, так что подожди меня здесь! Все будет хорошо! Матушка обещала с ним поговорить!»

Рабочий день прошел как на иголках. Лена, разумеется, ничего из обещанного не сделала, поэтому мне пришлось разгребать все в одиночку. Мало того что она не подписала документы, так еще и брыкнулась на больничный, оставив меня наедине с папками и выдохшимся принтером. Телефон не замолкал, от нас требовали оригиналы накладных и фактур, которыми должна была заниматься Лена. Но Лена забила на все, поэтому мне пришлось печатать их в авральном режиме. Раньше шести меня не отпускали, поэтому я с ужасом поглядывала на часы, нервно кликая мышкой и сглатывая от мысли о том, что меня ждет дома.

Прилетев домой, я открыла последний уцелевший замок, радуясь тому, что он все-таки есть. Из комнаты доносились стоны и глухие удары. Я опасливо приоткрыла дверь в комнату и увидела самый эпичный из всех поединков, которые только можно представить! Два соперника сошлись в смертельной схватке! Один стоял не на жизнь, а на смерть, возвышался огромной твердыней, а другой скакал вокруг супостата, нанося сокрушительные удары!

– Получай! А как тебе это? – кряхтел Айвэн, сплевывая волосы, липнущие к взмокшему лицу. – Не нравится? Еще бы! Ты не знал, с кем связываешься! Попробуй сбежать, подлый трус! Ты сейчас мне за все ответишь! Сейчас я выпущу тебе внутренности!

Я бы удивилась, если бы шкаф ответил! Но еще бы сильней удивилась, если бы он попытался сбежать с поля боя! Если бы попытался, то он сильно бы упал в моих глазах.

– Ты что творишь? – закричала я, бросаясь на разъяренного принца, который смахивал мои трусы с острия меча. Сокрушитель мебели утер пот с лица, сплюнул на пол, где уже валялись мои носки и лифчик, и засунул меч в ножны.

Глядя на поверженного врага с воистину королевским презрением, его высочество смачно шмыгнул носом и потер его рукой.

– Я же должен тренироваться? – устало выдохнул герой, обнимая меня одной рукой. – Дракона не так-то просто победить! Этот хитрый гад будет сражаться не на жизнь, а на смерть!

Нет, тут даже спорить не стану! Сразу видно, что шкаф сопротивлялся до победного, а прикроватная тумбочка пыталась убежать, но ее настигли и зарубили прямо на пути к отступлению! Она наверняка умоляла о пощаде, валялась в ногах и клялась, что больше так не будет, но ей пришлось ответить за все свои грехи и мой периодически ушибленный мизинец!

– Вижу, слуги твои сбежали! Я тут приготовил похлебку! Откушай, любимая! – Айвэн тащил меня на кухню, где в железном тазу, который был подвешен над костром, плавала нечищеная, но порубленная морковка.

– Я еще и поохотился! Иначе никак! – вздохнул герой, показывая горстку перьев, оставшихся от, предположительно, голубя. – Ловушку сделал! Видишь, любимая, не пропадем мы! Принц тоже иногда в походе готовит! Особенно когда оруженосец пал смертью храбрых!

– И какой у тебя по счету оруженосец пал? – поинтересовалась я, надувая щеки и вспоминая, где в последний раз видела голубя и что он там делал. На всякий случай могу подсказать отличное место для охоты. Возле помойки! Удачной охоты, Каа!

– Девятнадцатый! – тихо прошептал Айвэн, подчеркнув трагизм момента скорбным шмыганьем. – Погиб как герой!

Оставшийся вечер превратился в вечер воспоминаний о бывших оруженосцах. С каждой историей я убеждалась, что слова «подумал» и «Айвэн» встречались куда реже, чем можно было предположить даже законченному оптимисту. Под конец мне удалось затолкать расстроенного принца в ванную и заставить помыться, так что дракон ко мне претензий иметь не должен.

– Я все-таки тебя поцелую! – прошептал принц, хватая меня за талию и резко притягивая к себе, придерживая полотенце на бедрах. – Имею же право

поцеловать свою будущую жену?

Через секунду ко мне присосались так, что я даже слегка прониклась торжественностью момента, когда с его высочества упало на пол полотенце. Еще бы, держать меня двумя руками, чтобы я не вырвалась, и придерживать набедренную повязку было весьма проблематично!

– Погоди-ка, – ревниво заметила я, отворачиваясь и отодвигаясь подальше. Если дело так пойдет, то скоро я буду рассказывать мальцу, стоя в очереди за пособием, что его папа – принц на белом коне! – А где ты так целоваться научился?

Принц почему-то покраснел, что-то промямлил и снова попытался вспомнить боевые подвиги. А где справедливость? Почему честь смолоду должна беречь только девушка? Почему обет девственности до брака не распространяется на мужчин?

И вот уже второй час ночи, между нами лежит меч, а я пытаюсь вспомнить, все ли распечатала и во сколько завтра привезут печать и подпись ООО «Торгпромстроймаш». Я чувствовала себя тем самым принцем, которому срочно нужна рука принцессы. С печатью и подписью. По другую сторону меча сопел обиженный принц, зябко ежась без одеяла, которое я пригребла себе, пользуясь беззащитностью монарха.

На работе я написала заявление на отпуск за свой счет, клятвенно обещая, что буду на телефоне в режиме бессменного оператора колл-центра службы спасения. В четыре часа я уже выдвигалась с работы, чувствуя, как у меня дергается глаз, а в мешках под глазами поместится вся зарплата фирмы включая премии. Автобус гудел в пробке, на перекрестке была авария со всеми вытекающими из машины гаишников последствиями. Я нервно ерзала по сиденью, поглядывая на часы. Домой меня занесло без трех минут шесть.

– Ты вернулась, любовь моя! – обрадовался Айвэн. – Твой отец передумал? Ну скажи! Не молчи! – Секундная стрелка медленно делала круг. – Я хочу знать, ты выйдешь за меня?

– Понимаешь, Айвэн, ты хороший парень, – сглотнула я, внимательно следя за часами. – Но…

Через пару секунд принц стал таять в воздухе, испуганно оглядываясь по сторонам. Я молча помахала ему рукой, а потом опустилась на пол и выдохнула. Из кроссовки на меня смотрело то, с чем можно смело сравнивать мою нынешнюю жизнь.

– Акт выполненных услуг, – услышала я знакомый и слегка раздраженный голос демона, а перед моим носом мелькнула бумажка. – Получите – распишитесь!

Я подняла глаза, замечая расстегнутую рубашку, вихры каштановых волос и недовольный взгляд из серии: «А можно побыстрее!»

– Да… Неплохо! Я еще помню, как здесь было чисто и красиво! Я бы даже сказал, уютненько! – равнодушно зевнул демон. – Между прочим, зеркало разбить – плохая примета! Ой! А кто у нас тут в кроссовочке спрятался? А? Диверсант у нас в кроссовочке!

– Отстань! – устало выдохнула я и потащила портфель с документами на кухню, на ходу захлопывая открытую дверцу холодильника, под которым набежала внушительная лужа.

– Ты акт подписывать будешь? – осведомился демон, возникая передо мной и размахивая бумажкой перед моим носом.

– Сейчас с документами разгребусь и подпишу! – огрызнулась я, глядя на разбитую посуду в раковине. – Мне еще квартиру отмывать! Подождешь со своим актом. Не надо так смотреть! На безрыбье даю обет безрачия…

– И что же у тебя такое с документами срочное? А? На безрыбье-то? Или чуткое руководство загнало тебя на гору документов и выдало свисток? – насмешливо перебил демон, глядя на груду папок, которые я раскладывала по месяцам.

– Прибыль вылезает такая, что мама не горюй! – процедила я, заглядывая в первый квартал и вытаскивая старую записку о заменах счетов-фактур. – Мне до завтра нужно будет ее занизить! Иначе на такие налоги влетим, что мало не покажется. Тут даже дьявол разрыдается!

– Ну, раз ты высоко оценила качество обслуживания… Думаю, что в порядке исключения из правил я бы мог тебе помочь. Просто не люблю быть обязанным! – усмехнулся демон, всем видом показывая, какое он делает мне одолжение. Судя по его надменному лицу, одолжение в мою малогабаритную квартиру не поместится.

– Держи! – я с гаденькой улыбочкой вывалила ему на руки всю стопку. – Смотри не перепутай кварталы! На безрыбье мне сойдет любой помощник!

Пока я терла щеткой следы костра, выбрасывала пропавшее содержимое холодильника и скоблила раковину от прилипшего жира, демон молча сидел и просматривал документы, периодически что-то набирая на ноутбуке.

– Тебе на какую сумму выйти надо, наказание мое? Могу в ноль? Или хочется побыть убыточными? – поинтересовался он, ловко орудуя мышкой. Я молча плеснула чай в кружку, с тревогой поглядывая на часы. Потом подумала и достала вторую кружку из набора, заварила чай и поставила рядом с документами. Одолжение в обмен на одолжение!

– Тысяч тридцать пойдет. На пять тысяч больше, чем в первом квартале. Динамика! Так! Что мне еще нужно сделать? Мне еще обувь мыть! – вздохнула я, волоча за собой ведро воды и тряпку. Хоть поверьте, хоть проверьте, но вчера приснилось мне, будто принц ко мне примчался и нагадил в тапки мне! От кота ущерб был бы меньше!

Когда я вернулась, чтобы сгрузить в мусорное ведро осколки, за компьютером никого не было. Пустая кружка стояла на полотенце. Чистая. Пустая. Кружка. Рядом лежала блестящая капельками воды ложечка. Я присела за компьютер, пробегая глазами цифры. Опустив глаза на документы, мой уставший взгляд зацепился за цветной фантик. Поверх документов лежала конфетка, которая почему-то выдавила из меня жалкое подобие улыбки. Все сошлось. Идеально. Ни одна проверка не докопается. Конфетка лежала поверх акта, который я тут же подмахнула. Через секунду один экземпляр рассыпался в прах, разлетаясь по комнате, словно сгорая в невидимом пламени.

Я выползла из душа, вытираясь полотенцем и утешая себя тем, что первый принц всегда комом. Была надежда, что сейчас появится тот, кто сразит меня наповал! Окрыленная надеждой, я таки сумела замаскировать мешки под

глазами, высушить волосы феном и нацепить приличное платье, которое чудом уцелело после войны со шкафом. Часы пробили полночь, заставляя мое сердце нервно екнуть. Нет, ну а вдруг судьба, а мы в галошах?

За дверью, которую мне почему-то категорически не хотелось открывать, раздался странный звук, словно на ламинат шлепнулось что-то большое и мокрое. Кто-то полз, ударяя какой-то тряпкой по полу, и хрипел так, что чудовища из фильмов ужасов прижались друг к дружке и застучали зубами от страха.

– В аду… – сипело нечто, скребясь в мою дверь. Призраки продепилированных волос зашевелились, когда я медленно стала отступать к стене. Я понимаю, что это наше первое свидание. Место второго уже было анонсировано…

– В… аду… – сипело и кашляло то, что претендует на мою руку. И что-то мне подсказывало, что отгрызенной рукой он не ограничится.

Глава третья

Толстолобик

В тихом омуте черти прячутся,

Им сейчас, бедолагам, увы, нелегко!

Потому что моим окружающим кажется,

Что чертям до меня далеко!

Прошла пара тревожных минут, я прислушалась в надежде, что чудовище заползло туда, откуда выползло. Это было бы куда лучше, чем издохло. Если издохло, то мне придется прибираться, а у меня как раз мусорные пакеты закончились…

Опасливо, на цыпочках, подкравшись к двери, я приоткрыла ее ровно настолько, насколько позволял инстинкт самосохранения. В коридоре пахло чем-то странным. Салатом из морской капусты и свежей рыбой. Хм… Вроде никого! Надо свет включить и проверить! Я шагнула к выключателю и наступила на что-то скользкое. У меня был выбор – потерять голос от крика, килограмм от испуга или равновесие, но я предпочла потерять тапку, допрыгнув до включателя.

Я с ужасом смотрела на огромную рыбу, пятясь в сторону кухни и спотыкаясь о порожек. Если вы думаете, что я с радостью побегу чистить этого толстолобика, то вы ошибаетесь! Шутку про «безрыбье» я оценила. Раздался сиплый голос: «В аду…» Согласна, в аду я видала такого тюленя! Раньше судьба баловала меня оленями, а теперь решила порадовать тюленем! Для разнообразия.

Через пару мгновений толстолобик зашевелился, показался накачанный до рельефных и соблазнительных мышц мужской торс, который заставит любую женщину кокетливо закусить губу. Внезапно чудовище повернулось ко мне, удивляя все сильней. С красивого бледного лица, смахивающего на лик алебастровой статуи, на меня смотрели зеленые глаза, подернутые мутной поволокой жаждущего и страждущего. С длинных серых волос, отливающих плесневелой зеленцой, на пол капала вода.

– Во… ды… – просипел русал, приподнимаясь на руках, словно собираясь отжиматься от мокрого пола. Жабры на его шее шевелились, как жалюзи, а вниз шлепнулся кусок водорослей.

Я бросилась на кухню, схватила чистую кружку, плеснула в нее воды из-под крана, а потом, спотыкаясь о веник и совок, расплескивая содержимое, метнулась в коридор. Если вдруг у меня объявится богатый родственничек на последнем издыхании, решивший устроить конкурс среди присутствующих «Кто быстрее принесет стакан с водой, тот и станет моим наследником», делайте ставки на меня! Я не подведу!

– Пей, – я сердобольно протянула кружку, глядя на серебристую чешую хвоста, на водоросли и ракушки, которые теперь художественно украшали мой свежевымытый пол коридора… Тьфу ты, стойла!

– Лей… – просипел русал, подставляя жабры, пока я поливала их водичкой. – Умираю…

Я бросилась в ванную, но не из гуманизма, а от нахлынувших воспоминаний о протухшей рыбе, которую однажды забыла выбросить. Затыкая пробкой слив, я экстренно набирала ванну, поглядывая в коридор, где бедный русал твердо решил повторить судьбу моей селедки. Пока гудел кран, выбрасывая из себя воду с максимальным напором, я посмотрела на себя в зеркало взглядом будущего пациента лечебного учреждения для непонятных, непризнанных и социально опасных, а потом кисло улыбнулась своему отражению.

– Кто хотел в детстве рыбок? – я подняла брови, сдувая прядь волос. – Кто просил маму купить аквариум? Кто обещал за ними ухаживать?

А потом простонала, кусая губы, глядя на счастливицу, у которой только что сбылась детская мечта.

Ванна набралась до половины, я уже была в коридоре, таща помирающего русала в сторону спасения. Извините, бассейна нет! Дотащив его за подмышки, чуть не прищемив хвост дверью, я сумела засунуть его головой под кран. Жабры зашевелились, толстолобик оклемался, уныло оглядываясь по сторонам.

– Я туда не полезу! – возмутился он, блестя капельками воды на красивом атлетическом теле, поглядывая на чугунную ванну с несмываемой желтизной.

– Еще один брезгливый сантехник нашелся! – фыркнула я, закатывая рукава и истерику. – Звиняйте! Бассейнов нет! Но могу предложить раковину и унитаз!

– Я лучше засохну… – с трагизмом заявил толстолобик, глядя на меня страдальческим взглядом невинно убиенного головастика. Да ну тебя в болото!

Если вы думаете, что во мне проснулся гуманист, то вы глубоко ошибаетесь. Мало кто может похвастаться тем, что на добрые дела его вдохновляет тухлая селедка, провонявшая всю квартиру!

– Я же сказал, устрица! Я туда не полезу! – возмутился русал, тряхнув мокрыми волосами. «Дельфин и русалка – сюжет этой песни…» – вертелось у меня в голове, пока я заталкивала жениха в ванну. Пятачок тебе на глаза и земля тебе Винни-Пухом! Теперь понятно, почему бедная русалка положила глаз на дельфина!

– Будь хорошей рыбкой! – кряхтела я, затягивая чужой хвост в пожелтевший от времени «аквариум». Все! Справилась! Фух! Меня обдало брызгами с ног до головы и насквозь замочило тапки.

– Да я тебя засушу! – заорал недовольный новой экологической нишей и ареалом обитания русал, клятвенно обещая сделать из меня гербарий.

В этот момент мне захотелось его просто замочить. Искушение было почти непреодолимым, но я всего лишь включила кран и подбавила водички.

Одинокая женщина в самом соку и… я понюхала себя, скривившись и проклиная антиперспирант… в собственном соку смотрела на то, как разобиженный Русал пытается умоститься в ванне, повторяя подвиг шпрот.

Перекрыв кран, я тяжело отдышалась, разглядывая этого героя-подводника, опустила крышку унитаза и уселась на нее, переводя дух.

– Устрица! Я – морской обитатель! Добавь соли! Иначе я умру! – вздохнул русал, осматривая свои накачанные бицепсы. Ничего, еще один такой подвиг с моей стороны, и мы будем дружной семьей бодибилдеров!

Я сбегала на кухню за солонкой и стала солить русала, который нудил, что «ма-а-ало». Я, конечно, не мастер засолки рыбки, но у мамы на всякий случай всегда была парочка хороших рецептов. Вся соль, которую удалось найти у меня в доме, уже плескалась в ванне. «А теперь, Светочка! – раздавался в голове голос мамы, когда она пыталась научить меня готовить сложнейшее блюдо, которое никто не ест. – Я начинаю ее чистить. Чистить ее нужно с хвоста… Твой папа очень любит мамину рыбку!» В этот момент папа поднимал на меня глаза, вспоминая, как однажды по молодости сходил на рыбалку. Улов в тот день был небольшой. Одна золотая рыбка из соседнего дома, которой мама потом оторвала все плавники, и пять селедок из ближайшего магазина. Пока папа клятвенно божился, что поймал их в местном озере, мама соглашалась, заявляя, что экология у нас нынче так себе.

– Мало, устрица, мало! – жаловался русал, глядя на меня, как кот, которого внезапно и подло решили искупать добрые хозяева-живодеры.

Время было позднее, круглосуточных магазинов поблизости не было, поэтому я вздохнула и решила пойти по соседям. Матвевна сплюнула на меня три раза, глядя на часы и вытолкала за дверь со словами: «Чур меня! Ведьма!» В итоге профессиональная побирушка в моем лице насобирала килограмм соли под предлогом засолки рыбы, закрутки огурцов, варки супа на ночь глядя. Высыпав всю соль в ванну, я взяла с кухни ложку и размешала водичку. Отлично! Сверху я сгрузила собранные в коридоре водоросли и ракушки.

– Чувствуй себя как дома! – ласково улыбнулась я, развешивая сопли водорослей по ободку ванны.

– Я есть хочу, устрица! – заявил повеселевший русал, выныривая из воды. Мокрые волосы эротично разметались по красивым плечам, а аппетитные губы капризно надулись.

– Есть гречка. Принц не доел! – мрачно буркнула я, закатывая глаза и плетясь за тарелкой. – Вот! Ешь!

Русал скривился так, словно мимо проплывало использованное резиновое изделие и другие результаты прорыва канализации. Ему-то какая разница? Вы местные водоемы видели?

– А устрицы? Омары? Кальмары? Мидии? Креветки? – осведомился русал, хищно улыбаясь и закрывая жабры. – Можно лобстера или крабов. Если нет, то вполне сойдет и осьминог!

Я причмокнула, изучая потолок и вспоминая цены на морепродукты. Меня внезапно вывел из великой экономической депрессии громкий всплеск. Килька и крабовые палочки. По четным дням – килька, по нечетным – крабовые палочки. На Новый год – селедка под шубой! Иногда с премии – ставридка. Копченая. Можно купить корм для рыбок. Сбалансированный. Но что-то мне подсказывает, что от такого рациона мой русал очень скоро всплывет в моей ванне брюхом вверх.

– Устрица! Глянь, у меня есть полипы? – раздался голос аккурат в тот момент, когда я с улыбкой вспоминала морского котика из дельфинариума, который выслуживался за рыбку. Я уже представила, как держу на весу путассу за хвостик, а передо мной радостно хлопает хвостом моя верхняя мужская

половинка. Смертельный номер! Стойка на хвосте! «Я не могу! У меня полипы!» – простонала та самая верхняя половинка, подползая ко мне поближе.

– Это тебе к лору надо! – огрызнулась я, понимая, почему меня никогда не привлекала рыбалка.

– К кому? – удивился русал, дуясь на меня. – Ты лучше скажи, как тебя зовут, устрица?

– Света! – закатила глаза я, зевая и прикидывая, который час. – А тебя как?

Русал пошел на погружение, выдав под водой тот самый звук, на пару секунд превращающий обычную ванну в джакузи. Я скептически посмотрела на пузырьки воздуха, понимая, что каждый из нас, если не кривить душой, уже призывал русалок в любом водоеме.

И что? Мне теперь со стаканом ходить и соломинкой а-ля коктейль? Буль-буль-буль, кушать будешь?

– А попроще есть вариант? – кисло поинтересовалась я, отгоняя четырехзначные ценники жизненно необходимых русалу деликатесов, недоступных кошельку простого бухгалтера.

– Оху, – приподнял хвост над водой обладатель чудного имени и замашек гастрономического олигарха. Нет, Оху, определенно, ел все вышеперечисленное, а мне как-то не довелось! Где справедливость?

– Глянь, у меня точно нет полипов? – пристал жених, поворачиваясь ко мне спиной. Где-то зевнул одинокий лор, выписывая направление к ветеринару, тот прочитал его, посмотрел на хвост и отправил к ихтиологу. Ихтиолог скривился, глядя на верхнюю половину, и снова отправил к лору.

– Нет, – зевнула я, в упор не понимая, что он имеет в виду. – Я – спать, а ты не скучай! Могу уточку резиновую кинуть! Будешь играть. Или резиновую шлепку. Чем не кораблик? Будешь играть в морской бой! Левая шлепка – твой кораблик, а правая – вражеский! Заодно и помоешь!

Я выключила свет, еще раз зевнула, чувствуя, как у меня намокли рукава. Раздевшись, я упала макияжем в подушку, оставляя на память для потомков репродукцию Туринской плащаницы.

Проснулась я от ощутимого дискомфорта. Мне дико хотелось в туалет. Проклиная свой мочевой пузырь, натягивая халат, я поковыляла к унитазу, сонно зевая и прикидывая, сколько еще времени осталось до утра. Откинув седельце, отбросив полы халата, аки дирижер фалды фрака перед концертом, я стала стягивать трусы, как вдруг рядом раздался «бульк». Мои глаза расширились от ужаса, я, стреноженная трусами, застыла, аки сонный суслик, понимая, что еще один такой звук, и фермер скажет мне спасибо за экономию на удобрениях!

– Икру метать собралась? – поинтересовался голос. Если и существует конкурс по скорости натягивания трусов, то, будьте так любезны, приз за первое место присылайте по адресу… хм… Хотя я не уверена, что в ближайшее время не поменяю место проживания в связи с пытками… тьфу! попытками устройства личной жизни!

Я нервно вышагивала по кухне, страдальчески глядя на прикрытую дверь санузла – обители зла. Все муки отражались на моем лице, когда я бросала взгляды на кухонную раковину и вспоминала находчивого принца. Природа была ко мне несправедлива дважды, обделив и ростом, и физической возможностью!

Из ванной раздавалось хлюпанье и пение. Если Русалочка пела примерно такие же песни и примерно тем же голосом своему принцу, то я вполне понимаю ведьму, потребовавшую голос за свои услуги. Без голоса у Русалочки было куда больше шансов выйти замуж! Пение русала напоминало затяжное полоскание горла хроническим тонзиллитником. Все это безобразие усиливалось непревзойденной акустикой, создававшей впечатление, что кота еще не утопили, но очень стараются! Не могу судить насчет женских особей, но, заслышав пение мужской, хочется не просто отгрести подальше, но и поаплодировать ему веслом по голове. Не знаю, о чем была столь гнусная, гнусавая и грустная песня, но мне показалось, что Оху страдал. А раз он страдал, то передо мной стоял выбор – прибить, чтобы не мучился, или накормить, чтобы чем-то занять его рот. Я заглянул в ванную, чтобы поинтересоваться, будет ли он рыбную консерву, а заодно и уточнить, «о чем, собственно, песня»? Соседи-то будут спрашивать, а мне нужно что-то отвечать!

– Это брачная песнь для привлечения самки на нерест! – вздохнул русал, делая передышку перед душераздирающим припевом, в котором сквозила и горечь одиночества, и тоска по женском хвосту, и робкая надежда, что вот-вот все изменится. Надо будет запомнить, что если слышен в ванной шелест, наш русал пошел на нерест.

По батарее тревожно постучали. В маленьком доме с отличной акустикой и соседи – невесты!

– Все, я привлеклась! – вздохнула я, понимая, что меня скоро привлекут к ответственности за такое устройство личной жизни! Керамический друг соблазнительно смотрел на меня, а я проклинала смежный санузел. В туалет хотелось все сильнее. На улице было темно, я отогнула шторку, а потом, воровато озираясь, схватила ключи и бросилась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Где-то за соседским гаражом я, напряженно прислушиваясь, открыла филиал домашних удобств, чувствуя, как высокая трава, щекочет то самое одинокое место, которое не ожидало такого поворота событий и наплыва приключений. Где-то неподалеку залаяла собака, спугнув меня и заставляя раком-отшельником пробираться глубже в заросли, тревожно осматриваясь по сторонам. Дожили…

Дома из ванной доносилась все та же скорбная песня, пока я шарила по опустевшему после принца холодильнику в поисках завалявшейся рыбной консервы. Открыв сардину в масле, взяв вилку, я поплелась кормить голодающего.

– Держи, тритон, свой трезубец, – мрачно буркнула я, почесывая чешущиеся после колючей травы ноги.

– Это что такое? – отшатнулся русал, брезгливо глядя на вилку и изучая содержимое консервной банки.

– Еда! – возмутилась я, пихая ему «завтрак туриста». Оху точно ел, потому что от консервы он мужественно отказался. Зато ее слопала я, облизывая вилку. Повелитель морей обиделся и пошел на погружение. Он что-то булькал под водой, кому-то жаловался, но мне было уже все равно.

Я умылась и побрела спать, душераздирающе зевая. Полночи Оху булькал, вертелся и пел. Мои воспаленные глаза смотрели в смежную с санузлом стенку. В итоге я не выдержала, встала, распахнула дверь в ванную и заявила, что завтра куплю ему кило кильки! Не знаю, как насчет кильки, но русал успокоился. Я поковыляла досыпать. Проснулась я в десять от телефонного звонка. Нащупав телефон под подушкой, я в мутном тумане пыталась найти тот сектор памяти, который отвечал за рабочий стол. «Посмотри под желтой папкой!» – зевнула я, вспоминая, что мне нужно в магазин за обещанной килькой.

Я поплелась в ванную, взглянула на себя в зеркало, а потом потянулась за расческой, но расчески на месте не оказалось. Осмотрев флаконы, я посмотрела на русала. Его волосы были красиво расчесаны и разложены по плечам так, словно он собирается на свидание. Я на всякий случай заглянула в унитаз. Мало ли, вдруг любовница уже смылась? Нет, я не ревнивая, просто сантехник нынче недешевое удовольствие.

– Расческу сюда! – процедила я, протягивая руку. Из воды появилась расческа с прилипшими длинными зелеными волосами.

– Тебе кильки сколько брать? – поинтересовалась я, вспоминая, что зарплата будет только через неделю. На меня посмотрели таким взглядом, словно я ему не дары моря предлагаю, а удары судьбы, но промолчали, демонстративно отворачиваясь.

В ближайшем магазине кильки не было. Не было даже путассу. Замороженные кальмары обещали подвезти послезавтра, а глядя на креветки, я в полной мере ощутила себя Юрием Гагариным, ибо цены были – космос.

Я решила заглянуть еще в один магазин, но там кильку разобрали сердобольные старушки, чтобы накормить кошечек. Пришлось идти в супермаркет. Набрав два кило кильки, морской капусты, пять пачек соли, чем вызвала панику у старушек, которые тут же разобрали остатки соли и поспешили за спичками и консервами, я отправилась на кассу. Очередь была такой, словно перед концом света. Переполненные корзины и тележки забаррикадировали все подступы к кассе.

– Охрана, отмена! – раздался визгливый голос издалека, пока в моей корзинке мирно размораживался кирпич кильки. Время тянулось медленно, я успела изучить все ценники в окрестностях, засыпая, как лошадка, стоя. Не знаю, чьи

конфеты не могла пробить целая делегация продавцов и менеджеров, но, судя по тому, что желала бедолаге-покупателю рассерженная толпа, конфетки скоро станут поминальными. Я простояла час, отвечая на звонки с работы, играя в слепого детектива с экстрасенсорными способностями. Пока что счет был пять один в пользу Светы. Меня умудрилась обойти розовая папка с кадрами, спрятавшись на начальственном столе!

Я неохотно ковыляла домой, стыдливо проходя мимо знакомого гаража. За мной увязалась вереница кошек, жалобно и душераздирающе мяукая. Некоторых особо рьяных особей приходилось отгонять пакетом. Дверь в подъезд была открыта, а по лестнице водопадом текла вода. Минуя ручьи, я взлетела на второй этаж, глядя, как вся площадка залита водой, а по ней мирно проплывают окурки, фантики и какая-то шелуха.

Дрожащими руками я открывала дверь, придерживая ногой пакет и озираясь, как партизан, которого послали с донесением в штаб. В моем стойле было столько воды, что пора было доставать купальник и открывать купальный сезон! Авгиевы конюшни вымывались с таким усердием, что скоро не останется не только воспоминаний о коне и навозе, но и о ламинате, который тоже качеством не блещет! Сглотнув и захлопнув дверь, я посмотрела на гипсокартонной потолок, потом прикинула ущерб, причиненный соседям, бросилась в ванную, но русала там не было. Где он? На всякий случай я заглянула в унитаз, держа руку на кнопке слива. Не то чтобы я надеялась, что мне оттуда помашут ручкой на прощание. Хотя нет, надеялась! Понимаю, что рожденный ползать летает редко, но иногда заползает туда, куда другим и не снилось, поэтому на всякий случай проверила под кроватью. Мало ли?

Ванна была переполнена, из крана хлестала вода, которую я экстренно перекрыла. Мимо меня по коридору проплывал тазик. Я набрала воды, плеснула себе на потолок, отбегая подальше и уворачиваясь от брызг. Рядом плавали буйками мои новые, но уже раскисшие туфли. Еще один тазик – и потолок изрядно намок. Я высунулась на площадку, проверила наличие свидетелей, а потом выскочила с тазиком и поскакала на третий этаж, поливая лестницу. Еще один таз я вылила на площадку под дверь необитаемой квартиры.

Дома я схватила тазик и стала собирать воду, сливая ее в унитаз. Пока я плескалась, мне навстречу, не могу сказать, что выплыл, скорее, выполз из кухни будущий жених, счастливый и посвежевший, со взглядом кокетливым и игривым. Капельки воды блестели на красивом торсе, мокрые волосы эротично

облепили плечи, щеки и шею. А мне очень хотелось взять этого окуня за жабры! «Отрезаем рыбке голову! Срезаем плавнички. А дальше: ножик внутрь – кишки наружу!» – слышался в голове мамин голос, призывая все мое самообладание.

На все мои претензии, местный ихтиандр был нем как рыба, зато, как только я отвернулась, тут же подал голос.

– Плыви ко мне, любовь моя, – игриво заметил чемпион моей квартиры по гребле.

– Иди на фиг! – ответила чемпионка по выгребанию, изображая бегущую по волнам с тазиком.

– Ты хочешь, чтобы я отрастил себе ноги? – спросил расстроенный русал. – Эти уродливые подпорки? Морская ведьма, конечно, может помочь, но…

– А отрастить мозги она не может помочь? – всхлипнула я, выливая очередной тазик в унитаз и сплевывая волосы. – В обмен на твой чудный голос?

Я что, многого попросила? Я попросила два полушария! Правое и левое! Можно одно… Хотя я верю в то, что у морской ведьмы на мозги есть приличная скидка. Берешь левое, получаешь по правому. Извилины в подарок. И цена невысокая… Где-то поддакнули соседи, которые после этой ночи стопроцентно уверены, что у меня завелся мужик, которого я по ночам зверски пытаю.

– Представь себе! Мы будем жить в каком-нибудь уютном водоеме, – вдохновенно расписывал мне брачные перспективы Оху, ударяя хвостом по воде и обдавая меня брызгами.

Перед глазами стояло местное озерцо и портрет Менделеева, который готовит новые ячейки для своей таблицы, пока санитарная станция и экологи гадают над вопросом о происхождении этого водоема! «Я же говорил, что канализацию чинить надо!» – восклицает эколог, пока на карту наносилась еще одна туристическая достопримечательность. Было предчувствие, что ведьма не понадобится. Через месяц меня и мать родная не опознает.

– Ты намечешь мне икры! – мечтательно анонсировал жених, описывая нашу будущую семейную идиллию.

Ага! Заморской! Баклажановой! Я представила, как буду объяснять нашей совместной икре, что на хлебушек с маслом нужно заработать!

Глядя на масштабы потопа, я мечтала в следующей жизни стать голубем, мстительно составляя список личностей, на которых буду гадить в первую очередь. Пару субъектов придется накрыть ковровой бомбардировкой после того, как меня радостно выпустят какие-нибудь жених и невеста. Я даже из зависти оставлю свой грязный привет на белоснежном платье, перед тем как упорхнуть в синее небо.

Шел девятый тазик воды! Русал затянул свой шлягер о любви, вызывая у меня внутреннее содрогание. На этот раз мне удалось разобрать слова: «Тебя, красотка, нежно зацелую. Плыви, плыви, любовь моя, в мою лагуну голубую!» В дверь отчаянно забарабанили. О! Кто-то откликнулся на брачный зов! Интересно, кто бы это мог быть?

– Открыва-а-ай!!! – рычал за дверью сосед снизу, привлеченный брачной песней. Над голубой лагуной медленно поднималась голубая луна. – Открыва-а-ай!!!

На телефоне, который стоял в беззвучном режиме, было восемь пропущенных вызовов от соседей! Конец Светы был близок как никогда. Мне очень захотелось накрыться тазиком, как их свежий ремонт, и изобразить маленькую жалобную и сонную черепашку.

– Чего молчишь, счастье мое чешуйчатое? – гаденько осведомилась я, набирая воду в таз. – Приманил ты брачной песней отличного кандидата! А что? У него машина есть… Точнее, была… Квартира своя… Даже аквариум с рыбками! И ремонт в квартире шикарный. Был. Не жених, а просто мечта! А еще он рыбак, так что ты его сто процентов заинтересуешь!

Глядя на дверь, которая тряслась под ударами, русал молчал, прикидывая, брачная это перспектива или все-таки мрачная?

– Погоди, милый. Сейчас будет разнообразие! – кисло улыбнулась я, гребя с тазиком в ванную, тихо постанывая и всхлипывая. – Сейчас у тебя отбоя от кандидатов и кандидаток не будет!

Сосед орал в трубку своей жене, чтобы быстрее приезжала, ибо он один не справится. По гулкой площадке шлепали чьи-то тапки и раздавались злобные голоса. Любвеобильный головастик решил испытать судьбу и мои нервы, поэтому затянул свою песню. Хотя, мне кажется, что «головастик» – это незаслуженный комплимент.

– Откройте! – верещала соседка снизу, пока я выливала десятый таз в унитаз, тихо постанывая и всхлипывая оттого, что ломит поясницу.

– Сейчас! – жалобно отозвалась я, проверяя капающие вниз подтеки с потолка. – У меня тут у самой потоп!

– Да вы что? – нервно и язвительно заметила соседка, продолжая барабанить в дверь. – Мы ремонт недавно закончили! Открывай!

Затолкав русала в комнату, закрыв дверь и прижав ее стулом, я открыла входную дверь, выпуская еще порцию воды на лестничную клетку, глядя на собравшихся соседей взглядом потерпевшей.

Грустно показывая на мокрый потолок и разводя руками, мол, какой спрос может быть с несчастной жертвы чужого произвола, я всхлипывала и вздыхала.

Вся злость, которая обуревала моих соседей, перенеслась на владельца недвижимости сверху, покинувшего свою уютную обитель и исчезнувшего после поножовщины в направлении известном, но не суть важном. Дальше бессильной злости дело не пошло по причинам вполне понятным. Молча поджав губы и хвосты, соседи разошлись спасать свое имущество.

– И что это за мода такая? – нашла к чему придраться Матвевна, которая хоть и не пострадала, но всегда ходила с пострадавшими за компанию, как на светский раут. – Музыку всю ночь слушать?

– Извините, больше не буду, – скромно потупилась я, заглядывая в строгие старушечьи очи, а у самой перед глазами мелькал мой любвеобильный карась с носком во рту. Матвевна заявила, что меня ей не рекомендовал районный терапевт и проживание со мной в радиусе километра плохо сказывается на ее уже пошатнувшемся здоровье. И топаю я, как конь, и ору, как мартовские коты, а тут еще вырядилась, как проститутка! Какое сердце тут выдержит!

Пока я выслушивала обилие диагнозов, противопоказанием к которым я являюсь, стул позади меня прыгал, ручка вращалась, требуя выпустить ихтиандра в нейтральные воды. Дать ему, так сказать, водный коридор!

Мне пригрозили сухоньким кулачком, вывалив полсотни диагнозов, о которых стало известно благодаря передачам «За здоровье» и старым журналам «Сам себе диагност», а потом с кряхтением понесли заболевания, половина которых несовместимы с жизнью, в сторону своей квартирки. Я захлопнула дверь, снова принимаясь за работу.

– Разве ты не хочешь увидеть подводный мир? – сладенько начал русал, пока я перешагивала через его хвост, неся очередной тазик в ванную.

– Спасибо! Жак Ив Кусто мне уже все показал! – буркнула я, выливая таз в унитаз и с хрустом разгибаясь.

– Ты никогда такого не видела! Пестрые рифы, затонувшие корабли и косяки рыб, – соблазнял меня Оху, смачно описывая то, что я могу спокойно посмотреть на любом образовательном канале.

– Рыбы-то чем накосячили? – закатила глаза я, слушая его рассказ через слово. Не тот косяк косяком обозвали, ой не тот! Мне за шиворот с потолка упала холодная капля.

Мне не ответили. Через два часа влажный ламинат разбух и вздулся, обои снизу отклеились, а деревянная дверь в ванную перестала закрываться. В ванне лежал обиженный русал, вокруг него плавала маринованная морская капуста, а на решеточке стояла тарелка с килькой.

Я чувствовала себя самой гостеприимной хозяюшкой на свете, вспоминая те замечательные времена, когда могла спокойно искупаться или принять душ. Мне кажется, что скоро от моего запаха будут шарахаться даже облезлые любители микрофинансового кредитования «На опохмел». Кредитованием на микро- и макропопойку, я обычно не занималась, понимая, что раз мужик накопил в себе основные качества: две руки, две ноги и голову, то он априори может работать. Есть ведь ряд работ для мозговых меньшинств, не требующие участия основного органа?

– Тебе соли сколько сыпать? – раздраженно спросила я, доставая пять килограммов соли, которую еле притащила из магазина.

– Уже не надо, любимая… Когда у нас начинается брачный сезон, мы выходим в пресные воды… – сладенько заметил русал, встряхивая мокрыми волосами. – Паховые пластины раскрываются навстречу любви…

Сдержать радостный возглас было нелегко.

– Любимая моя, правильно говорить «вобла»! На конце «а», а не «я». Первый, кто приплывет на твой зов, станет твоей судьбой! Ты приплыла на мой зов… Считай, что море нас поженило! Так что ты – моя жена!

Я даже знаю, как называется это море! Море неприятностей!

– Послушай, русал! – прокашлялась я, пытаясь отдышаться после уборки. – Я пока что замуж не… Мне нужно получить благословение родителей… Для меня это очень важно!

– И после этого можно спариваться? – осведомился Оху, вылезая из своего «аквариума»

Спариваться? Я уже спарилась! И запарилась! Попробуй тридцать тазиков воды вычерпать, а потом с тряпками по полу ползать! Перед глазами промелькнула фотография папы с огромным сомом в руках, которая украшает семейный альбом.

– Понимаешь, мой отец – рыбак! – вздохнула я, как бы намекая, что улов дочки сильно порадует сердце старика. «Чтобы рыба хорошо засолилась…» – продолжал мамин голос, который я отгоняла, разглядывая чешуйчатый хвост.

– Бывает! Только я – не русал, глупая устрица, – игриво заметил Оху, лаская меня взглядом и протягивая ко мне накачанную руку. – Я – тритон!

– А я не устрица, я – планктон! Офисный планктон! – я отползла подальше, поправляя полотенце на сушилке и ногой расправляя влажный туалетный коврик.

Уже два часа я лежала на кровати, прижимала к груди подушечку, мучимая позывами в туалет. Из ванной доносилось горловое пение на повышенных децибелах. «Плыви ко мне, жена моя! На солнце блещет чешуя! Люблю и хвостик твой, и спинку! Хочу, чтоб каждая икринка была похожа на меня!» Нет, такими темпами слово «вобла» я никогда не научусь говорить правильно! «Плыви ко мне, я уже засох от любви! Плыви ко мне! Иди ко мне!» – орал тритон, но что-то мне подсказывало что, не «иди ко…», а «иди от…». Ну да ладно. Я уже наслушалась про трепет паховых пластин сохнущего от любви тритона, поэтому перестала обращать внимание на туалетные серенады.

В коридоре прозвучала трель звонка, внеся некое музыкальное разнообразие. На пороге стоял хмурый мужик, сплевывая окурок. На плече у него была сумка и моток проволоки.

– Показывайте свой стояк! – прохрипел сантехник, глядя на мой потолок. – Где ванная? Пошли смотреть стояк!

Перед глазами всплыл тритон, мучимый определенной проблемой. Нет, ну я, конечно, могу водить экскурсию в личный похотливый «Дельфинарий», но за большие деньги.

– Простите, давайте попозже! – взмолилась я, выпихивая сантехника за дверь. – Смотрите, у меня с потолка течет! Так что течь в квартире выше! У меня все в порядке!

Дверь закрылась, шаги стали подниматься выше, где уже собрался боязливый соседский консилиум.

– Звоните хозяину! – раздался хриплый голос сантехника. И все дружно принялись объяснять, что хозяин как раз ждет «звонка», ибо в местах не столь отдаленных он, как в школе, на десять лет. «От звонка до звонка». И чем дальше выпускной, тем лучше для соседей, ибо сдали его именно они. Я успокоилась, отлипла от глазка и побрела в комнату, устало упав на кровать.

– Иди ко мне, жена моя! – орал тритон, страдая от неземной во всех смыслах любви.

По запросу «развод» и «тритоны» мне выпадали правила чистки аквариума и основы ухода за маленькими неприхотливыми ящерками. Мой взгляд грустно скользнул в сторону ванной. Я всегда удивлялась, что может делать мужик в ванной сорок минут? Мне за сорок минут удавалось управиться с масками, гелями, скрабами и всем остальным, а он с универсальным гелем-шампунем в одном флаконе заседает почти час! Тихо! Он что? Успокоился? Уснул? Утонул? Утопился от неземной любви?

Неумолимые позывы заставили меня мучительно повернуться на другой бок, привстать, пострадать немного, а потом залезть ногами в тапки и прокрасться в сторону ванной. В абсолютной тишине и темноте, боясь лишний раз шелохнуться, я осторожно откинула седельце, и, тут же возникло такое чувство, словно мне приспичило в гостях. По закону подлости, как только я закрываю дверь в чужой санузел, стихают все звуки, музыка и голоса. Создается впечатление, что где-то под дверью стоят хозяева и гости, приложив уши к той самой заветной дверке со щеколдой, за которой заседаю я. «А что она там делает?» – спрашивает кто-то в моем страшном сне. «Срезает струями эмаль на нашей бесценной керамике!» – шепотом отвечают хозяева. И нервно прислушиваются.

Боясь лишний раз шелохнуться, затаив дыхание, я стала натягивать трусы обратно, как вдруг меня схватили и потащили в ванну! Я зацепилась за полку, перевернула шампунь и гель для душа, звякнула расческой и завизжала.

– Тебя ждет океан нежности! – шептал тритон, покрывая мою шею поцелуями, слегка притапливая меня. Мои пальцы намертво вцепились в скользкий бортик ванны обожания! По ногам ерзало что-то холодное и скользкое, а я усиленно пыталась вынырнуть и сделать глоток воздуха, но мне его пытались перекрыть поцелуем. Инстинкт самосохранения требовал пнуть его между ног! Когнитивный диссонанс слегка растерялся. Меня снова окунули в ванну, наседая на меня всем телом и покрывая поцелуями. «Му-му!» – промычала я, пытаясь сделать вдох, вылезти и сплюнуть воду с морской капустой. Судя по запаху изо рта – Оху, точно, ел. Голод – не килька.

Несколько раз я выныривала из омута, чувствуя, как намок мой халат и как медленно соскальзывают пальцы с бортиков. Это – страсти, а не страсть! Пальцы свободной руки нащупали упавший в ванну флакон. Струя шампуня брызнула в лицо без пяти минут счастливого обладателя меня! Закашлявшись, растирая глаза, тритон несколько ослабил напор влюбленного тунца, чем я

и воспользовалась, выскользнув из ванны. Бедолага сидел и кашлял пузырями, страдальчески глядя на меня одним глазом. При попадании в глаза – промыть водой! Спасибо вам, уважаемые производители, за ядреные химикаты!

– Проклятые чайки! – откашливался тритон, поглядывая куда-то вверх, пока по его лицу стекала серебристо-серая масса.

Мне показалось мало, поэтому я схватила второй шампунь и щедро вылила на голову кашляющего тритона! Высунулся из воды – лови примету к сокровищам затонувших кораблей! Мне подмигнул бреющий над закатным морем жирный и отлично покушавший баклан, как бы намекая, что гадить он хотел на такие брачные перспективы.

– Не трогай меня! – прошипела я, вооружившись освежителем воздуха и отходя на безопасное расстояние. С мокрого халата на пол лилась вода.

– Что это? – стонал страдалец, пытаясь смыть с себя половину тюбика шампуня, но лишь взбивая пену. В моей руке был зажат гель для душа и освежитель воздуха.

– Я сейчас открою эту штуку! – заявил Оху, положив руку на кран и возомнив себя Богом. – И снова здесь будет озеро!

На кухне зазвонил телефон, отвлекая меня от проклятого шантажиста. Настойчиво и упорно звонила мама, активно интересуясь моей личной жизнью. Ей, видите ли, нужны внуки! Срочно!

– Мама, внуки будут сегодня! Я тебе обещаю! Тебе сколько? – прокашлялась я, чувствуя, как липнет к спине намокший халат. – Цвет, возраст, пол… Напиши в эсэмэске, чтобы я не перепутала, когда буду собирать по всему миру детишек! Я соберу, а потом тебе сгружу! Будешь воспитывать! Кровиночки?.. Да они мне как родные будут!.. Что значит, яжемать? Один раз в месяц всей семьей приезжать, и достаточно? И фотографии высылать? Я могу тебе высылать фотографии чужих детей! С таким же успехом!.. Ты хочешь сказать, чтобы я рожала, как хомячиха, дабы один раз в месяц ты их понянчила?.. Так, все, мама! Прекрати! Мужской голос? Да… Я же тебе говорила! Я живу не одна!

Под холодильником еще оставалась вода, поэтому я ногой затолкала туда тряпку.

– В туалете!.. Что может делать нормальный мужик в туалете? Мама! Страдает? Да не страдает он! Тебе показалось!.. Да нормально я его кормлю! Нормально! Все как положено! Да не выковыривает гвоздем мои котлеты! Прекрати!.. Нет! Он не проклинает меня! Тебе послышалось! И суп здесь ни при чем! – я плечом прижимала к уху телефон, убирая пакет с оставшейся килькой в холодильник.

Из ванной донесся такой горестный всхлип, что дрогнуло бы сердце даже самой матерой мужененавистницы!

– Нет, мама! Ему не плохо! Ему хорошо! – вспылила я, теряя терпение. – Он… кран чинит! Да! У нас вчера потек кран! Да! У него золотые руки!.. На почте была? И что? Кроссовки выслала? Будущему зятю?.. Мам, ты чего? А откуда ты знаешь, какой у него размер? Тетя Зоя отдала?.. Зачем мне кроссовки тети Зои? Что значит, растопчет? А папа что? Не может растоптать? Мама, прекрати! Кем работает? Занимается бизнесом! Все, пока!

Ага, единственное, что светит моему тритону – работа в городском аквариуме. Экспонатом. Но на пособие пособия мы вряд ли проживем! Я бросила телефон на стол, выдохнула и направилась в ванную. На самом несчастном тритоне на свете была пена. Морская капуста валялась на полу, откуда я ее сгребала вместе с чешуей. Вид у Оху был глубоко несчастным, и я решила его утешить и ободрить.

– Тебе тут будущая теща кроссовки прислала, – нежно вздохнула я, включая воду и вынимая пробку из водостока. – У тебя какой размер ласты?

Оху наверняка был рад кроссовкам! Еще бы! Мама сказала, что фирменные!

Пена была смыта, я уже набрала почти полную ванну чистой воды, как кран загудел, выдал последнюю струйку воды, и все…

– Так! – Я осмотрелась по сторонам, крутя краны. – Что это значит? Воду отключили?

Трель звонка нарушила нашу внезапно воцарившуюся идиллию. На пороге стоял знакомый сантехник.

– Надо проверить стояк! А то, кажись, у вас где-то течет! – авторитетно заявил он, оставляя грязные следы огромных резиновых сапог на площадке. – Я тут воду по стояку перекрыл в подвале! Течь не должно! Но я хочу посмотреть!

– У меня там мужик мой… мм… в ванной! – стала упираться я, загораживая проход в квартиру.

– И шо? Шо я там не видел? Вот если бы баба была, тогда другое дело! – фыркнул сантехник, наводя меня на странные мысли.

– Он просто долго купается… Вы тут как раз воду перекрыли… Ладно-ладно, только сперва посмотрите на кухне! – сдалась я, метнувшись в ванную и хватая пену для ванн с запахом розы.

– Нет! – задохнулся от ужаса Оху, пока на кухне чем-то стучали по трубам. – У меня чешуя слезает от этого! Нет! Прошу тебя!

– Заткнись! – процедила я, поглядывая на дверь и взбивая пену рукой. – Попробуй что-то вякнуть! На все отвечаешь «угу»! Ты понял? Иначе воды не будет! А еще он – рыбак… Так что учти!

– Угу, – сглотнул тритон, пока я проверяла маскировку и снимала трусы. С веревочки, разумеется.

– На кухне все нормально! Кран пора вам менять! Могу визиточку оставить! – зевнул он, проходя в ванную и протягивая руку тритону. – Драсте! Хочу стояк глянуть.

Тритон смотрел на него с ужасом, но руку не протягивал.

– Ладно, сейчас гляну… – сантехник погудел краном, полез под ванну. – Тут у вас трубы старые! Менять надо! Мужик, потом глянешь пластиковые! Могу фирму посоветовать!

– Угу! – икнул Оху, страдая неимоверно.

– Сходишь в магазин, приценишься. Только дешевые не бери! Смотри, чтобы качественные были! Иначе – труба! – бурчал сантехник, выползая из-под ванны.

– Угу! – отозвался Оху, слегка поеживщись. Я погрозила ему кулаком, когда он попытался поднять хвост.

– Ты рыбалку любишь? Я на выходных такого окуня поймал! – сантехник осматривал колено раковины. – Засорилось! Короче, тут все менять надо! Это тебе тысяч в тридцать с работой выйдет! Если по дешевке брать! Тут неподалеку есть магазин. Пешком – минут сорок. Сходишь, прогуляешься, приценишься…

– Угу! – промычал тритон, опасливо глядя на меня. Ну да! Мама что? Зря кроссовки выслала?

– Да вроде все нормально! – пожал плечами сантехник, когда я закрывала за ним дверь. – Мужику своему скажи, чтобы за коленами следил!

Ага! И за коленами, и за коленями… Воды не было уже полчаса. Мои нервы не выдержали и погнали меня к соседям за новостями.

– Сказал, что завтра-послезавтра включит! – ответила Зинаида Павловна, страдальчески глядя на меня. У нее до сих пор звонко капало с потолка в расставленные по полу тазики. – Опломбировал стояк!

Оху орал полночи. Теперь все соседи наверняка знали, что у меня завелся мужик. Но, судя по горестным крикам, ненадолго. Демонстрируя мне горсть чешуи, глядя на меня самыми несчастными глазами на свете, тритон хлопал жабрами и умолял дать ему воды. И проклинал за то, что я зажала стакан воды на долгую дорожку по темному туннелю.

Я взвыла так, что где-то поджала хвост собака Баскервилей, а в местных лесах передохли от ужаса все волки. Зато мой вой отчаяния нашел поддержку в лице, а точнее, в приплюснутой морде соседского пекинеса, который выл со мной за компанию, пока не был успокоен криками и тапкой!

Я вынесла мусор, обошла соседей-склерозников, пытаясь выяснить, у кого хранится ключ от подвала. Через десять минут я, подсвечивая себе фонариком, торчащим изо рта, пыталась открыть ржавый технический кран. После двадцати минут попыток, которые смахивали на пытки, кран сдался и открылся, плеснув струей ржавой воды прямо мне на ноги.

Через три часа я лежала на кровати, понимая, что мои шансы на замужество падают быстрее, чем курс отечественной валюты. Еще бы! Кому нужна девушка с волочащимися по земле руками? Нет, конечно, я могу поработать на мафиози, махая ручкой и намекая, что у Коза Ностра они ой какие длинные, но сомневаюсь, что запись в трудовой в графе «причина увольнения»: «Замахала» – будет оценена по достоинству следующим работодателем. Двадцать четыре ведра воды на второй этаж! Двадцать четыре! Поясницу ломило, руки отпадали, ноги гудели, зато где-то в ванной меня игриво звал посвежевший Оху, требуя, чтобы я немедленно явилась на его зов и мы слились с ним в едином порыве любви. Нервы не выдержали, поэтому я поплелась в ванную объяснять Оху, что он сегодня уже ел!

– Иди ко мне, моя любовь! В мою уютную лагуну! – орал тритон, плещась с наполненной ванне. – Любимая жена, иди ко мне! Ты должна спать с мужем! Мне скучно! И одиноко! Ты что, на меня обиделась?

– Нет, ни в коем случае… Я не на тебя обижаюсь, а на природу! – выдохнула я, а потом тихо добавила: – Поражающую своим разнообразием…

– Где моя маленькая русалочка? – ко мне потянулась рука, пытаясь поймать за подол ночной рубашки.

Через пятнадцать минут я засыпала под «Уолт Дисней представляет… Русалочка!». Ноутбук стоял на крышке унитаза, удлинитель тянулся из кухни, видео было настроено на бесконечную прокрутку, а я уткнулась лицом в подушку и провалилась в темноту.

Проснулась я в полпятого вечера от душераздирающей песни на знакомый мотив. Провалявшись до без пятнадцати шесть, я сумела встать и доползти до ванной с тарелкой кильки.

– Ты хочешь, чтобы я отдал свой чудесный голос в обмен на ноги? – прошептал тритон, раздувая жабры. Я смотрела на него, слыша за спиной знакомую с детства музыку и молчала.

– Знаешь, я согласен… Ты столько для меня сделала… Я готов отдать свой голос… – вздохнул тритон, протягивая мне руку. – Устричка… Ты сделала для меня больше, чем русалочка для этого двуногого…

Внутри меня что-то скреблось, умилялось и нервничало.

– Но есть эту дрянь я не собираюсь, – надулся тритон, отодвигая тарелку, пока я молча стояла рядом.

Время медленно ползло к шести…

– Кстати, принц очень аппетитный, – хищно заметил Оху, улыбнувшись мне острыми зубами. – Надо было топить его сразу! Жаль, в нашем мире мало людей осталось, приходится жрать креветок, осьминогов и прочий мусор…

Часы на телефоне показывали ровно шесть, а у меня по спине градом катился пот. Тритон таял в воздухе, а у меня перед глазами стояла его хищная улыбка.

– Актик! – перед моими глазами мелькнула бумажка, выводя меня из кинотеатра ужасов, нарисованных моим разыгравшимся воображением, которое тыкало мне под нос табличку «Купаться запрещено!». – Оказанных услуг по устройству личного счастья! Получите – распишитесь! Вижу, счастья через край! Просто океан счастья! До сих пор ламинат не высох от моря любви и обожания!

Я обернулась, глядя усталым и презрительно-злобным взглядом на демона, который помахал у меня перед глазами двумя экземплярами акта.

– Послушай, – я потащила демона на кухню, где на полке лежали те самые проклятые часы, показывая два часа дня. – Ты видишь, что происходит? Посмотри вокруг! Меня хозяин прибьет! Скоро соседи с факелами придут выламывать мою дверь! Да меня торжественно сожгут во дворе, привязав к сушилке для белья, свалив всю старую мебель, которая отсырела в подвале. Я хочу прекратить игру! И пока ты не скажешь, как это сделать так, чтобы все

стало по-прежнему, без каких-либо «санкций» и «неустоек», я не подпишу акты!

Если что, я знаю еще много угроз из бухгалтерского гримуара! В моем арсенале есть несколько заклинаний. Обычно они начинаются со слов «Устали работать? Хотите сесть?», которые превращают хитрое и изобретательное начальство в послушное и грустное.

– Наказание мое, не хочу тебя расстраивать, но игру, если быть предельно честным, просто так остановить нельзя! – фыркнул демон, а у меня дрогнула рука, разливающая чай в две кружки. – И не надо пугать меня актами. Я могу их подписать за тебя. Никто смотреть не будет, ты или не ты расписывалась. Акт есть? Подпись есть? Отлично! Если есть какие-то претензии, то можешь отправить их в небесную канцелярию. Только учти, насколько я знаю, там претензии еще с 1252 года разбирают. Первые жалобы на инквизицию и пытки. Если повезет, то лет через сто к четырнадцатому веку перейдут. Но ты, главное, пиши… Чем больше, тем лучше! Ребята очень скрупулезные, авось до Страшного суда успеют! Там целые горы жалоб на жизнь, отдельная гора «рожей не вышел/вышла», видел даже, с позволения сказать, стопку с претензиями одиноких женщин, которые начинаются стандартно: «Как же так, я – красавица-раскрасавица, умница-разумница, вся такая принцесса, и при этом одна-одинешенька! Пошлите мне кого-нибудь!»

– А когда Страшный суд? – поинтересовалась я, понимая, что в одиночестве есть свои плюсы. А если мне снова пошлют «кого-нибудь», я буду сдыхать наперегонки с ремонтом и репутацией.

– Его уже несколько раз откладывали! Не успевают! – махнул рукой демон, усмехаясь протянутой ему кружке с чаем.

– Я так понимаю, что мне придется выбирать из тех, кто у меня тут был? – осведомилась я, глядя, как демон помешивает чай, встряхнув каштановыми локонами и подарив мне едва заметную улыбку-благодарность. – Я не первая, кто играет в эту игру?

– Знаешь, что я тебе скажу, наказанье мое, – странно усмехнулся демон, откладывая ложечку. Он смотрел на меня как-то странно, задумчиво, слегка наклонив голову набок. – Мы помогаем решить вопрос одинокой жизни. Никто из клиентов не остался влачить свое одинокое существование на этой грешной

земле! Мы работаем на результат!

Я задумчиво размешивала свой чай, глядя на пузырьки в центре вихря событий, сотворенного моей ложкой, и украдкой бросая взгляд на чайные глаза демона.

– Это хорошо! Я уже не боюсь умереть в одиночестве! – вздохнула я, глядя на два акта. – Поверь мне, если ко мне в ответственный и торжественный момент не протянется рука какого-нибудь упыря, всю жизнь трепавшего мне нервы, со стаканом воды, то я даже не расстроюсь!

Демон осмотрелся по сторонам, а потом улыбнулся, приближаясь ко мне словно для поцелуя.

– Бойся желаний своих, – прошептал он едва слышно, украдкой подняв глаза и глядя поверх моей головы. А потом мило улыбнулся и протянул мне конфетку.

– Кушай и не расстраивайся, наказание мое! У меня еще есть!

– Не нужна мне твоя конфета! – возмутилась я, отодвигая от себя подальше чужую руку. – Вы у меня знаете сколько крови выпили? Больше, чем все комары в моей жизни, вместе взятые!

Демон исчез, положив мне на стол акты и конфету, а я внимательно следила за часами. С каждой секундой сердце екало и нервничало. Стрелки неумолимо ползли к полуночи, отмеряя последние секунды моего одиночества.

Ровно в полночь я встала, закрыла глаза, глубоко вздохнула и открыла дверь в коридор, в котором стоял высокий, бледный и очень красивый мужчина с черными волосами, украшенными шелковой лентой.

– Я вас приветствую, миледи, – прошептал он, глядя на меня горящими в темноте алыми глазами.

Глава четвертая

Подсос и голубая кровь

Мужчины есть в русских селеньях,

Их все «мужиками» зовут,

На бабьих сидят иждивеньях,

Последние деньги пропьют!

Зарплату домой не приносят,

С дивана слезать не спешат,

Но ласки и нежности просит

Скупая мужская душа!

Работай на двух-трех работах,

Его обстирай, накорми,

И все остальные заботы

На хрупкие плечи возьми.

Горящие избы и кони

Уже никому не нужны,

Он курит на старом балконе,

Гордясь своим званьем «мужик»!

Кристина Юраш. Ответ Некрасову

Я стояла и в полумраке смотрела на этого аристократичного и вполне респектабельного красавца средних лет, чьи благородные виски уже слегка посеребрила седина. Он одарил меня тягучим взглядом вишневых глаз, откинул жгучую прядь волос, демонстрируя свой профиль, достойный старинного портрета в вызолоченной раме. Моя рука тянулась к выключателю, дабы в полной мере насладиться присланной мне красотой. Седовласый граф со взглядом «О, времена! О, нравы!» мне крайне импонировал. Я даже представила на секундочку, как мы будем украшать семейный портрет.

– Миледи, вы просто сразили меня наповал, – томно прошептал красавец, лаская меня взглядом. – Такой изумительной красоты я не видел никогда… Ах, как у вас тут уютно. Сыро, темно и…

Я включила свет, чтобы получше рассмотреть моего гостя. В этот момент раздался такой визг, словно в женскую раздевалку по фитнесу заглянул сантехник с наивным вопросом: «Кому тут трубы прочистить?» Визг перерос в шипение, жених съежился до размера чего-то маленького и черного. И это маленькое и черное метнулось в сторону моего шкафа и юркнуло в щель приоткрытой створки. Я стояла в коридоре подозрительно глядя на шкаф. Ой, зря… В шкафу раздался шелест, что-то оборвалось, а через секунду раздались грохот рухнувшей полки и крик! Какая боль, какая боль, утюг и моль: пять – ноль! Там же придерживать надо, когда трогаешь верхнюю полку!

Из шкафа вывалился тот самый, очень респектабельный джентльмен с моим бюстгальтером на голове и ужасом в глазах!

– Свет! – заверещал он таким голосом, каким может кричать «Насилуют!» девственница из пуританской семьи при виде фотографии любого мужика с полуголым торсом.

Обычно душераздирающие крики «Свет!» раздавались в тот момент, когда, проходя мимо санузла с включенным светом, ты рефлекторно вспоминаешь об экономии, матушке-природе, экологии, а заодно решаешь проверить, есть ли там кто живой или нет?

Лампочка пошла трещинами, дрогнула и осыпалась на пол, погружая коридор в зловещий полумрак.

– Только свечи, – тут же взглянул на меня бледный жених, скорбно поджав аристократические губы. – Никакого света и солнца! Ты ведь знаешь, кто я? Я – Альфонсо Альбрехт Амадей Альваро Вацлав Звентибальд! Герцог, в жилах которого течет королевская кровь! Никакого почтения!

Я так понимаю, что родители недолго думали, как назвать сыночка, а в последний момент быстренько открыли справочник мужских имен. «Вацлав?» – спрашивает счастливый отец, глядя на роженицу. «Со-ОЙ! – дет! – стонала мать

будущего наследника. «Вильгельм?» – вопрошал автор шедевра. «Не-а-А! Бана-а-А! – ально! Да-А! – альше!» – тужилась роженица, пока задумчивый отец вычеркивал очередное непонравившееся имя и листал справочник дальше.

Жених подошел ко мне, сразу приосанился, как бы пытаясь сгладить первое впечатление.

– Свечи – это так романтично, – прошептал он, беря меня за руку. – Ужин при свечах… Где здесь столовая? Скажите слугам, миледи, чтобы не тревожили нас!

О! Слуги нас не потревожат! Они у меня тихие, незаметные, я бы даже сказала – невидимые. Так что с ними никаких проблем. Нет слуг – нет проблем.

Я открыла дверь на кухню, глядя, как жених подозрительно смотрит на лампочку. Через секунду она раскрошилась и осыпалась на пол.

– Я хочу видеть ваш самый лучший туалет! – с томным придыханием прошептал гость, покрывая мою руку учтиво-страстными поцелуями.

Вообще-то он у меня один. В конкурсе «Самый лучший» он плетется где-то в хвосте. Если раньше мы просто отставали от лидеров, то после тритона и принца нас опережает бесплатный и универсальный привокзальный туалет на станции Шепетовка после нашествия банды батьки Махно. Мы дышим в седельце туалету в пионерском лагере «Клубничка» с пропускной способностью пятьсот пионеров в день. Двухочковое заброшенное счастье в местном переходе тоже слегка нас опережает, но мы не сливаемся с гонки, все еще на что-то претендуя.

– Туалет там! – ответила я в надежде, что этот жених, в отличие от принца, к нему приучен.

– Почему вы еще не в нем? – страстно прошептал гость, прижимая меня к себе и глядя на меня сквозь полуприкрытые веки. Мне очень хотелось от него отмахнуться.

– Да как-то пока не хочется, – устало вздохнула я. Мозги совсем отказывались работать.

– А ради меня? – шептал жених, поглаживая мою шею холодными пальцами и заглядывая в глаза с такой мольбой, что мне становилось неловко. Нет, ну ради такого случая я, возможно, и попробую. О результатах отчитываться обязательно?

– Я так хочу увидеть вас в нем. Просто страсть как хочу, – его голос словно обволакивал меня. – Я представляю, как вы будете в нем смотреться… Вы будете в нем так прекрасны, так милы, так очаровательны.

Я тоже представляю! Я с телефоном, восседающая Снежной королевой на белоснежном троне и дочитывающая последние новости, казнящая и милующая бегущих от соседей тараканов-мигрантов, буду смотреться воистину благородно! В последнее время я – прямо начальник миграционной службы, ибо почти все нелегалы проходят через мою тапку. Получают пожизненную визу.

– Вы точно хотите это видеть? – убитым голосом осведомилась я, понимая, что мужик, пристально следящий за процессом моего пищеварения, стоящий в почетном карауле надо мной в момент вынужденного уединения, аплодирующий результатам и наслаждающийся картинкой, мне еще не попадался. «Давай, милая! Давай! Поднажми! У тебя все получится!» – прямо болеет он за мой пищеварительный тракт, стоя над душой в ответственный момент.

– Почему бы и нет? Я представляю, сколько на вашем туалете бриллиантов, но тут же понимаю, что ни одному из них не затмить вашу красоту! Называйте меня Звентибальдом, миледи… Это мое любимое из всех имен! – сладко вздохнул Звентибальд. – А еще я хочу видеть вас в вашем фамильном гарнитуре!

На полочке или в баре? Под кружевной салфеткой или нет? Я, конечно, девушка компактная, но далеко не подарок, чтобы затеряться среди бокалов и вазочек. Даже в ящик не помещусь. Или мне покукарекать из тумбочки, которая тоже входит в семейный гарнитур, кокетливо приоткрывая дверь?

– Фамильный гарнитур у нас на даче, – сообщила я, вспоминая мебельную развалюху – пережиток лучших времен.

– Так что же мы сидим в темноте? Где свечи? Где музыка? Где ваше очаровательное платье? У нас сегодня такое знаменательное событие! Я встретил свою ненаглядную судьбу! – шептал мне гость, придерживая за талию

и пожирая взглядом.

Из свечей у меня были только ректальные от температуры и одна ароматическая, подарочная, а из уцелевшей и чистой одежды – летний сарафан.

На клеенке стояла одинокая пузатая свеча, распространяя запах благовоний для выкуривания всего живого в радиусе километра, шифоновая юбка стелилась по полу, а гость внимательно изучал мой интерьер, периодически странно поглядывая в мою сторону.

– Миледи, каково ваше состояние? – осведомился жених, бросая взгляд на мои обои.

– В целом неплохо! – устало вздохнула я, поражаясь заботе со стороны и не имея привычки жаловаться на жизнь. Еще бы! Встретить мужика, который интересуется моим состоянием, моим самочувствием, моим настроением, – большая удача! Я ласково посмотрела на этого чуткого человека, осознавая, что кем бы он ни был, а у меня есть на этот счет подозрения, пока что он дал сто очков вперед всем моим знакомым.

– Неплохо – это как? – участливо улыбнулся гость, сжимая мою руку. – Кто ваш достопочтенный отец?

– Пенсионер, – пожала плечами я, чувствуя, как липнет сарафан к потной спине.

– Пенсионер – это выше маркиза? – поинтересовался Звентибальд, лаская холодными пальцами мою руку.

– Это ниже прожиточного минимума, – усмехнулась я, глядя на то, как нежно перебирают мои пальцы.

– Я так понимаю, ваш отец еще не стар, – улыбнулись мне очень вкрадчиво и о чем-то задумались. – В вашем роду есть маркизы? Графы? Бароны? Мне очень интересно!

Если кот Маркиз, который сейчас обитает у моей мамы, периодически нализывая свои аристократические причиндалы до блеска, и является лучшей частью моей

родословной, передавая мне право на этот, несомненно, веский титул, то, пожалуй, да.

– Есть, – улыбнулась я, пока мой собеседник придвигался ко мне все ближе и ближе, внимая каждому моему слову.

– А как сейчас себя чувствует этот достопочтенный титулованный господин, который является вашим родственником? У него есть наследники? – заволновался представитель дворянства, слегка сжимая мою руку. Единственное, что мне оставалось, – сделать пальцы веером.

Сказать, что достопочтенного и титулованного господина заели блохи, а позавчера его лишили права иметь наследников окончательно и бесповоротно, было бы излишне прямолинейно. Добрый доктор Оторви-и-выбрось развел руками, мол, финита ля комедия.

– Увы, официальных наследников нет, – ответила я, вспоминая, как мама фотографировала каждого котенка в окрестностях и присылала мне на опознание: «Наш – не наш», с целью выяснить, кормить ли в будущем или нет? – Да что вы все обо мне да обо мне? Расскажите о себе!

– Я – герцог по титулу! Почетный член всех аристократических кругов! – заявил Звентибальд, как бы намекая, что весь его пафос для меня.

А вот это меня настораживает. Как-то ко мне подкатывал почетный член всех клубов города в месте, где я проходила плановый медосмотр, а он являлся постоянным клиентом на дневном стационаре.

– Моя родословная ведет свое начало от династии Ерклер, которая в свое время породнилась с династией Розенврот, – распинался мой титулованный гость. Через двадцать минут мы дошли до седьмого колена родоначальника, которое страдало подагрой и ревматизмом, но это никак не помешало ему дать жизнь восьмому. До нашего героя было еще далеко.

– Скажи своей прислуге, чтобы подготовили мне особую спальную, – прошептал гость, припадая поцелуем к моей руке. Я заметила, что поцелуи с каждым разом поднимаются все выше и выше. – Понимаешь, я слишком слаб здоровьем, чтобы переносить дневной свет…

– Да нет у меня прислуги! – закатила глаза я, чувствуя, что судьба обделила меня не только состоянием, но и родословной. Осталось завидовать породистым собакам, чьи предки кусали за ногу самого Юлия Цезаря. – Я – сама себе прислуга! Говори, что нужно…

– То есть как? – поцелуи резко прекратились. На меня смотрели встревоженные глаза цвета спелой вишни.

– А вот так! – вздохнула я, вспоминая свою рабоче-крестьянскую биографию. – У нас денег нет на прислугу!

– То есть ты хочешь сказать, что ты мало того что неблагородных кровей, так еще и нищая? – глаза гостя округлились от ужаса. – Не может быть… Простолюдинка? Мезальянс! Как они могли! Подсунуть мне нищую простолюдинку? Фу! Какой кошмар! Видела бы это моя покойная матушка! Слышал бы об этом мой покойный батюшка!

Я понимаю, что его глухая матушка и слепой батюшка были бы категорически против моего пролетарского происхождения, но это не повод смотреть на меня сверху вниз.

– Пошла вон, – голос гостя резко изменился. – Хотя нет, слушай меня внимательно! Приказываю! До рассвета приготовить мне усыпальницу! Живо! Я кому сказал! Найди мне место для дневного сна!

– Так, я не поняла! – я резко встала, глядя на этого упыря. – Вырабатывать командный голос будешь в своем склепе! Там акустика хорошая! А у меня в квартире командовать имею право только я. Ну и хозяин…

– Слушай меня внимательно, – мое лицо взяли в руку как-то совсем невежливо. – Правила в этом доме такие. Никакого света! Только свечи! Во время моего дневного сна меня не будить! Если я не усну или внезапно проснусь днем, я убью все живое в округе, начиная с тебя! Для сна мне нужен гроб, наполненный землей! Ты меня поняла? Выполнять! Если будешь себя хорошо вести, то я, так и быть, сделаю тебя своей наложницей!

Вот что-что, а наложница из меня получится отличная! Как наложу в душу, так мало не покажется. Мне очень хотелось пнуть его любым неаристократическим коленом на выбор, но что-то подсказывало мне, что это будет последней страничкой моей биографии.

Я вздохнула, глядя на то, как мне улыбаются нехорошей улыбкой, обнажая острые клыки, достала телефон, вбила запрос по поводу гробов. Цены на ритуальные услуги чуть не сделали меня их молчаливым клиентом, которому все нравится по умолчанию. Похоронное агентство «Солнечная полянка» предлагало скидки для постоянных клиентов и венок в подарок. Бюро ритуальных услуг «Холодные ножки» обещало забрать тело из морга и каждую вторую горсть земли бросить бесплатно! Мне даже предлагали в он-лайн-редакторе уточнить параметры покойника. Слово «покойник» меня радовало, цены – нет.

– Быстро найди мне гроб! – прошипел вампир, скаля свои клыки и нервно поглядывая в окно. – Иначе я тебя растерзаю! Не вздумай сбежать! Я тебя из-под земли достану! Мне плевать, что у тебя нет денег! Доставай где хочешь!

Конечно, сейчас-сейчас, у соседей поспрашиваю, не завалялся ли у них гроб? Мало ли? А вдруг? Вдруг они мне его заранее заказали? А что вы хотели? Плохо думать о соседях – признак частой смены места жительства.

«Принимаем заявки круглосуточно!» – гласила надпись на сайте похоронного бюро, которое находилось в четырех кварталах отсюда. Я прикинула, что у меня есть кредитка. Но в силу тяжелого материального положения я могу себе позволить исключительно бюджетный макинтош.

– Приходите хоть сейчас! – вежливо ответила мне сонная девушка. – Мы очень вам соболезнуем! Мы понимаем, какая это боль! Как же судьба несправедлива! Я понимаю, что это случилось так внезапно!

Я посмотрела на вампира и вздохнула, грустно опустив глаза и подробности. Пока он нервно зашторивал все окна в доме, хрустел лампочками, я прижалась щекой к телефону и прошептала, оглядываясь по сторонам:

– А осиновые колы у вас есть? Только чтобы сто процентов осиновые!

– Приезжайте, мы покажем вам наш ассортимент, – вежливо ответила девушка. – Если вас утешит, то мы дарим вам веночек в подарок к гробу. Вы можете написать на нем все, что хотите. Еще раз соболезнуем. Ждем вас по адресу…

Вариантов надписей было много, но я как-то воздержалась. Порывшись в кошельке, вспоминая самую бюджетную модель с розовыми рюшами, я мрачно закрыла за собой дверь, бросая ключи в сумку.

Проходя мимо помойки, мой взгляд упал на большую коробку из-под двухкамерного холодильника. Сведя внутренний баланс доходов и расходов, я поняла, что скоро придется вводить новую статью: «на мужиков». Терзаемая смутными сомнениями, что вампиру такой вариант жилплощади не понравится, я все же остановилась на нем. А что? Двухкамерный, с морозилкой. Тут еще пенопласт остался. Главное, чтобы мягонько было…

Пять минут я прикидывала, как дотащить до квартиры ту самую заветную коробочку. Пахла коробочка мусором, на одном боку у нее было пятно от чьего-то текущего помоями пакета. Стыдливо озираясь по сторонам, я представляла себя бомжихой, осторожно, палочкой, сбрасывая мусорный пакет с коробочки. Похороны в стиле «эконом» должны состояться примерно через час сорок, а мне еще земли набрать нужно, поэтому, брезгливо зажимая коробочку двумя пальцами, я тащила ее домой, воротя нос от благоуханий. Как хорошо, что вампиры, если верить сказкам, не дышат.

– Куда потащила! – раздался сиплый голос. – Это моя коробка! На место! Я ее первый присмотрел!

На меня сурово смотрел асоциальный элемент в дырявых ботинках, старом пальто, штанах со стрелочками, с поясом из бельевой веревки и в грязном свитере. Заросший, смуглый, со свежим кровоподтеком на лбу, он настоятельно требовал вернуть ему его будущую летнюю резиденцию, но я была категорична.

– Мужик, ты понимаешь, – грустно вздохнула я, опустив глаза. – Банк процент по ипотеке поднял…

Меня пугали органом, зато я, в силу природы этим органом обделенная, со своей стороны запугивала органами. Либо множественное число смутило бедолагу, либо он решил по-джентльменски уступить мне добычу, я так и не поняла, но

уже дотащила коробочку до подъезда и остановилась в раздумьях, присматривая клумбу для раскопок.

– О! – раздался скрипучий, преисполненный негодования голос с лавочки, когда я задумчиво прикидывала, сколько земли понадобится, чтобы наполнить временное лежбище упыря. – Холодильник новый купила! Жирует!

Кому не спится в ночь глухую? Это что за клуб престарелых «Что? Где? Когда? Кого и с кем?» расположился на скамейке ни свет ни заря?

– Еще бы! – причмокнула старуха из соседнего подъезда, опираясь на палочку и поправляя платок. – Бухгалтером работает! Ворует! Мешками! Вон какой купила! Двухкамерный! Дорогой!

– Дорогой! – согласилась Матвевна, которой тоже не спалось. – Да знаю ее – проститутка местная! Мужиков к себе постоянно водит! Что ни день, то новый мужик!

Я посмотрела на них взглядом скромницы, чувствуя смертельную обиду. Не каждый день, а раз в три дня, между прочим!

– Спит с кем ни попадя, а замуж не берут! Стыдоба! Тьфу! – вздохнула представительница разведки соседнего подъезда, ничуть не смущаясь того, что объект смотрит на них пристальным взглядом. – Я же ее еще вот такусенькой помню! Помнится, бегает голенькая и орет: «Баба Шура!»

А ничего, что я снимаю эту квартиру год, не поправилась ни на кило и в последний раз голенькой бегала по своей квартире в поисках халата?

– И с начальником спит! Сама видела! – поддакнула Матвевна, прищуриваясь на меня сквозь призму старых очков. Моль сыто отрыгнула, готовясь передать эстафету червякам, но бабки все не унимались.

Я затащила коробку на этаж, открыла дверь и втянула ее в коридор. Где-то во мне радостно потирала ручки жадненькая еврейская девочка, радуясь экономии семейного бюджета.

– Милости прошу к нашему шалашу! – крикнула я, беря в руку вместительный пакет из супермаркета. – Парадный вход сбоку!

– Это еще что? – передо мной появился герой не моего романа, с подозрением глядя на рисунок двухкамерного холодильника. А как же рай и в шалаше? А? Почему это мне с милым и шалаш должен показаться раем, а его не устраивает почти новая коробка из-под очень дорогого холодильника?

– Портативный гроб! Легок в эксплуатации! Заполз в какой-нибудь подвал, развернул коробочку, – я показала, как она складывается, чувствуя себя ведущей «Магазина на диване». – Постелил земельки, передневал! Не надо мучиться, раскапывать себе гроб, выбрасывать оттуда покойника, таскать за собой гроб и крышку! Все просто, удобно и экономично! Потом вытряхнул земельку, сложил, и все! Красота!

– Ты кому зубы заговариваешь! – прошипел упырь, негодуя от перспектив. – Где красное дерево, лакированная крышка, вызолоченные ручки, пуховая перина и подушка?

– Земля тебе будет пухом! – огрызнулась я, беря совок. – Я за землей. У тебя все равно времени мало, так что давай осваивай!

Я посмотрела, что вроде бы с ростом производители холодильника угадали! Как знали, что мне придется временно хоронить в ней двухметрового упыря! Прямо как чувствовали!

Я прикинула, где земля помягче, и принялась за раскопки. Помягче она была на клумбе под балконами соседнего дома, среди зарослей сорняков. Соотношение земли и окурков составляло примерно один к двум, помимо этого попадались фантики, шелуха от семечек, пакеты, прищепки и даже парочка контрацептивов. Сначала я стала искать местечко, где мусора поменьше, а потом, глядя на время, гребла все подряд.

– Ты что делаешь! Клумбу портишь! – истерично завизжал голос надо мной. Рассохшееся окно открылось, и оттуда появилась седая голова. – Изрыла тут все! Весь мой цветник!

Пока проклятия сыпались на меня сверху, я мужественно копала, трамбуя землю в пакет. Время поджимало, но я была усердна, как маленький крот-бульдозер. Едва дотащив пакет до квартиры, открыв дверь и глядя на ноги в дорогих сапогах, торчащие из коробочки и как бы намекающие на то, что конкретно этот упырь – подарок судьбы, я молча стала забрасывать покойника землей с окурками. Среди мусора мне попался цветочек из разряда «ты что такое?», который я водрузила поверх коробки в знак вселенской скорби.

– Покойся с миром! – вздохнула я, глядя, как на улице забрезжила первая зарница рассвета, осветив квартиру малиновым светом. Сдам упыря. Чек потеряла, но коробочка есть. Распространяется ли на меня закон о защите прав потребителей?

– Я тебя предупреждаю, – раздался глухой голос из коробочки, которая уютно расположилась в коридоре, – если я проснусь среди дня, ты – труп! Только посмей меня разбудить!

Осталось перевязать его ленточкой и любоваться! Не мужик, а подарок! Особенно сапоги сорок шестого размера, торчащие наружу, и комья земли, рассыпанные по стойлу. Я осторожно, боясь потревожить скрипучий после потопа ламинат, попыталась открыть дверь на кухню, но из коробки раздалось сонное ворчание. Между «обделаться и бежать» и «отделаться и лежать» есть большая принципиальная разница. Для меня.

Я напряглась, застыла, сняла тапки и осторожненько, словно вражеский шпион в дружественном тылу, стала приоткрывать дверь собственной кухни. Дверь скрипнула, заставив меня застыть, как суслик, навострить уши, тревожно сглотнуть, а потом еще немного потянуть ее на себя. Скользнув в щель, я на цыпочках прокралась к крану. Кран загудел, поэтому пришлось его экстренно прикрыть. Маленькая струйка воды, наводила на мысль, что где-то старается страдающая энурезом маленькая мышка, выдавливая из себя последние капельки. Осталось только услышать извиняющийся писк: «Простите, больше никак» – и прикрыть кран.

Внезапно задребезжал холодильник, заставив меня вздрогнуть. В коридоре раздался неприятный и многообещающий звук. Я, не мешкая, выдернула штекер холодильника из розетки, обливаясь холодным потом самоубийцы. Стоило мне выдохнуть с облегчением, как послышался звук закипающего на плите чайника. Бросившись к нему, я перехватила свисток. «Не свисти! – прошептала я

чайнику. – Денег не будет! Зарабатывать будет некому, вот и не будет!» Стоило мне тихонечко налить себе чаю, как началось!

– Зи-и-ина! Я ключи забыл! – орал сосед снизу, словно после тридцати лет одиночества на необитаемом острове увидел вдалеке проплывающий корабль. – Зи-и-ина! И телефон забыл! Зи-и-ина! Открой мне подъезд! Какая сволочь его закрыла? Еще и земли набросала!

Я бросилась в коридор, увидев, что коробка с «мужиком-подарком» сдвинулась к двери. Сапоги свидетельствовали, что упырь хоть и не Пушкин, но в гробу перевернулся от такой серенады.

– Зи-и-ина! – орал сосед, не зная, какая угроза нависла над всем домом.

– Што-о-о? – послышался недовольный женский голос. – Громче! Я не слышу!

– Подъезд открой!!! – продолжал вопить сосед таким голосом, словно за ним стояли, облизываясь, все голодные демоны ада. – Ключи забыл!

Я понимаю, что большинство из нас обязаны своим появлением на свет волшебному слову «забыл», но мысль о том, что из-за чужой забывчивости я покину этот мир, меня угнетала. Внезапно прямо под окнами остановилась «дискотека “Шансон”». «Эх, фраерок! Как ты мог? Мента завалил, молодость загубил!» – орало из чужих колонок, намекая на то, что владелец если еще не оттуда, то очень туда стремится. Мечта может не осуществиться в любой момент, поскольку вампир в коридоре занервничал. Я бросилась к нему, грызя ногти:

– В ма-а-аленьком гробике холодной зимой, – тихо и подозрительно ласково вырвалось у меня. Вампир стал успокаиваться, пока я сочиняла на ходу. – Из склепа гробик взяли мы домой… Носы повесили, встали в хоровод! Нет, мы не встретим больше Новый год!

– Зи-и-ина! Ты что, оглохла? Ключи от гаража! – орал сосед прямо под окнами под аккомпанемент песни «Забыл фраерок, что попутал рамсы, часовой на посту посмотрел на часы…». – Да не эти! Другие! От гаража! От нового замка!

И тут я услышала, как у меня в комнате загудел телефон. Сглотнув, я метнулась в комнату, быстро ставя его в беззвучный режим.

– Алле, мам… Я не могу разгова… Я на совещании… О чем ты? Что? Кого собрать? Кого вы там собираетесь собирать? Всех? Зачем?.. Забор? Какой забор? От ходоков? От белых? Зима близко?.. Все, потом перезвоню! – прошептала я, понимая, что асоциальное семейство по фамилии Белых, проживающее постоянно на соседнем дачном участке, частенько захаживает к нам в гости, выбирая время нашего отсутствия. Чаще всего зимой, когда на даче делать нечего.

В коридоре послышалась хрипловато-приглушенная трель звонка. Я пулей помчалась в коридор, закусывая губу и выключая его. В дверь постучали.

– Кто там? – шепотом спросила я, стараясь не наступить на протянутые триста лет назад ноги.

– Вы верите, что Бог есть? – звонко поинтересовался женский голос.

Я сглотнула, глядя на то, как ворочается упырь. Одно неверное движение, и я наверняка первой узнаю ответ. Я так понимаю, что мы тут скоро всем домом будем точно знать ответ на этот вопрос!

– А в жизнь после смерти? – снова поинтересовался наивный женский голос.

У меня тут в коробочке из-под холодильника спит вампир, но в жизнь после смерти я категорически не верю! Вот такой я атеист! Одно неверное движение, и все вокруг поверят во всех богов и божков, познав все прелести жизни после смерти!

Я молчала, не имея привычки открывать дверь кому попало! Я прекрасно понимаю, что кому от жизни еще не попало, тому обязательно попадет, но это не повод тереться на моем пороге, пытаясь давить прыщ жалости в моей душе.

– Зи-и-ина! – заорал сосед, а я понимала, что такого человека обязательно нужно иметь с собой всем, кто страдает топографическим кретинизмом. Кто еще будет орать на весь лес: «Помогите! Спасите! Полундра!» – пока ты будешь

вспоминать пятый класс и уроки природоведения? – Поймал!

Какое счастье! Никогда я еще не была так рада за своих соседей! Я даже выдохнула с облегчением, сползая по стенке и ощупывая в кармане телефон.

– Сейчас за перфоратором в гараж схожу! – раздался крик. – Стену штробить будем! Проводку перекладывать! Я уже бригаду вызвал! Сейчас подъедут! Уже отзвонились!

Как вовремя!!! Я на носочках расхаживала по комнате, понимая, что жить мне осталось всего ничего. Как-то мне не очень хотелось занимать соседям очередь в аду, но, чувствую, придется! Дома даже чеснока не было, а на ножке стула не было написано, из какого дерева она изготовлена. Тут мой взгляд упал на вакуумные наушники. Через десять минут, я осторожно открывала коробку с той стороны, где было написано «верх». «Не кантовать!» – гласил символ на картонке, пока я осторожно ставила телефон на режим полета, пытаясь дрожащими руками засунуть наушники в заостренные уши жениха. Громкость я добавляла постепенно, чувствуя, как намокла от страха футболка. Включив классическую музыку на бесконечную прокрутку, я закрыла коробочку и поставила телефон на зарядку. Извините, все что могла! Заряд батареи показывал тридцать пять процентов, а я поплелась на кухню, прислушиваясь.

Через двадцать минут я сидела с ногами на стуле и пила чай, глядя на часы. Первый удар перфоратора заставил меня вздрогнуть и вспомнить лучшие моменты жизни. Я сглотнула, поглядывая в коридор. Если владелец перфоратора станет первой жертвой упыря, то я согласна выйти замуж или стать вдовой, не знаю, как правильно, этого святого нечеловека! А что? Тихие соседи, никаких кастрюль и воплей голодающего, мол, опять суп. Он даже работать смог бы! В ночную смену! Сторожем, например! «Милый, ты покушал на работе?» – нежно интересуюсь я. «Да, слегка!» – отвечает мне супруг, скалясь окровавленными клыками.

Под окнами раздался такой шум, что я осторожно отогнула занавеску и выглянула на улицу.

– Здесь мы снимем поребрики! Тута пока трогать не будем! – командовал мужик, пока из машины вылезали сонные ребята, таща за собой огромный отбойный молоток. – Да, бабушка, дороги делаем. Государственная программа!

Если у вас во дворе давно не было ремонта, заведите себе злобного упыря. Вы умрете счастливыми с мыслью о том, что не перевернетесь в гробу, когда катафалк будет везти вас с временного места обитания на постоянное.

Отбойный молоток пытался заглушить перфоратор, и к шести вечера я уже хотела сама подойти к коробочке с упырем, пнуть ее с размаху и подставить шею, мол, будь так любезен, дорогой, прекрати мои мучения. Блистер таблеток от головы шуршал в моем кармане, пока я страдальчески морщилась от головной боли. В шесть тридцать солнце стало клониться к закату, а я, как потенциальная вдова, сидела и смиренно ждала, когда его сосательство проснется. Коробка заерзала, послышалось сдавленное кряхтение, сапоги зашевелились, и упырь показал мне то самое место, которым ко мне обычно поворачивается жизнь. На бархатном камзоле у него была земля, в волосах застрял окурок. Глаза вампира горели алым огнем. Он сглотнул, приоткрыл рот, обнажая острые клыки, и зловещим голосом выдал, демонстрируя всю любовь до гроба:

– Я голоден!

Да, это был тот самый мужик, которому нужно памятник ставить. Но памятники нынче дорогие и мне не по карману, так что единственное, на что он может рассчитывать, так это на скромную мемориальную табличку.

– Суп в холодильнике, – усмехнулась я, поглядывая на висящий на стене календарь. Умрет от голода бедняжка до восемнадцатого числа, потом немножко поест и снова помирать будет…

– Я же сказал, что голоден! – прорычал упырь, отряхиваясь и делая такое лицо, с каким хорошо позировать для фамильного мотиватора: «Смотрю на вас из тьмы веков, понарожали дураков!»

– У меня есть хорошая новость, – заметила я, отряхивая телефон и включая Интернет. – Прием анализов в районной поликлинике будет работать еще пятнадцать минут. Есть и плохая новость.

Я снова взглянула на вампира, который причмокивал и осматривался по сторонам.

– Забор крови был до одиннадцати утра. Сейчас забирают все остальное, – вздохнула я. – Как говорится, на вкус и цвет…

– Твоя задача – найти мне девушек! Ты будешь искать мне девушек каждую ночь! – надменно приказал упырь, усевшись на мой стул, как на трон. – Я буду выбирать себе жертву! Как истинный аристократ!

Если честно, то я понятия не имею, где можно найти девушек, которые мечтают, чтобы у них отсосали кровь.

– Живо! Я не шучу! Я зверски голоден! – Звентибальд схватил меня за лицо, а я сглотнула, чувствуя, что с ним шутки плохи. – Девушек! Живо! И чтобы красивые были! Иначе я не знаю, что с тобой сделаю!

Я открыла ноутбук и включила голосовой поиск.

– Что это? – подозрительно поинтересовался упырь, разглядывая чудо техники, которое могло по древности посоревноваться с вампиром.

– Мм… Это специальная книга… – замялась я, шевеля мышкой. – Волшебная! Говори, что нужно, она тебе все найдет! Только четко. Например. Девушка. Молодая. И дальше что ты хочешь…

– Девушка. Кровь. Сосать! – громко и торжественно произнес упырь, а мне тут же вывалились фотографии тех, кто знает толк в этом сложном и очень увлекательном процессе и чей опыт, судя по возрасту, исчислялся километрами.

На меня смотрели: сорокалетняя блондинка Анжела с губами-бутербродами и почасовой тарификацией; еще одна блондинка Камилла, жертва садиста – визажиста и парикмахера, которая вполне может позволить себе проходить к врачу без очереди, показывая пенсионное удостоверение; брюнетка Элеонора в мини-юбке, умудряющаяся занимать собой весь диван; шатенка Скарлетт Йоханыйбабай, от которой станет импотентом любой маньяк, сумевший дотащить ее до ближайшего фонаря и разглядеть получше.

– Какой кошмар! – простонал упырь, закусывая губу и седея на глазах. Я не знаю, чем питаются вампиры-вегетарианцы, но логика подсказывает, что надо

продолжать в том же духе!

– Это самые красивые девушки нашего мира, – вздохнула я, понимая, что врать нехорошо, но иногда приходится.

– Да какие они девушки! Вот эту я не прогрызу! – закашлялся Звентибальд, показывая бледным пальцем на некую Конфетку-Кокетку, чьи подбородки я до сих пор не могла пересчитать, периодически сбиваясь со счета, облаченную в розовый топ на бретельках и трусы, которые спокойно заменили бы мне наволочку.

– Видишь, все девушки заняты! Их сосут другие вампиры! – вздохнула я.

– С чего ты взяла? – занервничал мой привередливый гость, ужасаясь очередной кандидатке.

– Читать умеешь? Вот и читай! Видишь, написано? Это вампир написал, что, дескать, сосет он ее. Так что занята она. И эта тоже, – пожала плечами я, листая девушек дальше. – Здесь много упырей, так что ты не обольщайся…

– Хорошо! – Звентибальд скривился при виде очередной «девушки по вызову». – Я сам найду себе кровь!

Он подошел к окну, а я поняла, что еще никогда не участвовала в операции по спасению мира от голодного упыря, поэтому бросилась наперерез, пытаясь перегородить ему дорогу. Понимаю, что есть что-то общее у слова «сосать» и «сосед», но допустить такого безобразия я не могла исключительно потому, что таскаться понятой и свидетелем мне категорически не хотелось.

– Я иду пить! – твердо постановил бледнолицый жених, сверкнув клыками.

– Ты куда собрался? – возмутилась я, чувствуя себя женой алкоголика.

– С дороги! – заявил упырь, пытаясь отодвинуть меня от окна.

В кармане загудел телефон. На экране высветился мамин номер и восемьдесят шесть пропущенных. На работе из меня уже крутили фарш, а добрая мама

лепила из него котлеты. Звонок был настойчивым. Я не выдержала и приняла вызов.

– Алле! Да, мамуль… Просто разрядился… Да… Не переживай, – мурлыкала я, глядя на бледное лицо голодного вампира.

– Куда! – прошипела я, отталкивая его плечом от открытого окна, из которого веяло вечерней прохладой.

– Мне уже выпить не дают! – заорал вампир, пытаясь обратиться в летучую мышь.

– Нет, мам… Он не алкоголик… Это не то, что ты подумала! – занервничала я, глядя, как мышь ударилась в антимоскитную сетку. – Нет, он не пьет! Тебе послышалось! Я тебе потом перезвоню!

Летучая мышь снова обернулась вампиром, скаля на меня клыки.

– Не пущу! Только через мой труп! – как-то очень смело заявила я. – Никаких пить!

– Да как ты смеешь, женщина! – заорал Звентибальд, сверкнув красными глазами. – Как ты вообще смеешь мне приказывать! С дороги!

– Мама! Я потом перезвоню! – рявкнула я, сбрасывая вызов, пока мама выла белугой, что чуяло ее сердце подвох, и алкаш – горе для семьи. Мамина фантазия уже рисовала дружную семью алкоголиков, где хромоногие на все хромосомы дети дружно пускают слюни, пока я составляю компанию супругу или бегаю по подворотням в поисках своего «счастья в личной жизни».

– Я, как истинный аристократ, предпочитаю шестнадцатилетних, юных, нецелованных аристократок! Я питаюсь исключительно ими! Их кровь похожа на молодое вино! – заорал упырь, негодуя и возмущаясь. Это был как раз тот самый случай, когда тридцатилетняя, умудренная опытом женщина, с выдержкой, которой завидует любой коньяк, спокойно отходит в сторону, снимает москитную сетку и загадочно улыбается, глядя, как растворяется в темноте голодный сосальщик-нервомотальщик.

– Спрашивай паспорт, генеалогическое и гинекологическое древо! – ласково заметила я, помахав на прощание ручкой. Жаль упырчика, сдохнет он у нас.

Закрыв окно, я спокойно приняла душ и легла спать. Под утро меня разбудили удары по стеклу.

– Ну как? – злорадно поинтересовалась я, глядя на летучую мышь. – Покушал?

– Пусти меня, любовь моя, – раздалось у меня в голове, а на карниз, загаженный голубями, присела летучая мышь. – Пусти меня…

Голос словно вибрировал в голове, вызывая какое-то странное чувство спокойствия. Он эхом растекался по венам, заставляя меня помимо моей воли подойти к окну.

– Пусти меня, радость моя. – Я чувствовала странную истому и усталость, протягивая руку к ручке окна. – Пусти меня, пусти…

И было какое-то странное чувство, что я все делаю правильно. В глубине души что-то возмущалось, но моя рука уже открыла окно. Через секунду в комнате стоял злобный Звентибальд, проклиная современную молодежь так, что мне хотелось выдать ему платочек и попросить старушек на лавочке подвинуться.

– Развратницы! Простолюдинки! Тьфу! Мерзость! Двенадцать лет ей, видите ли! Ага! В двенадцать лет она мне рассказывает, как правильно сосать нужно! – возмущался вампир. – Говорит, что Каллен не так сосет! Кто такой Каллен? Потом к другой… А она мне: «Укуси меня, Дракула!» Кто такой Дракула? Я, значит, из темноты к ним такой… А они, вместо того чтобы орать, пугаться, трепетать, сами мне шею подставляют! Одна за мной бежала с криками… Еле ноги унес…

Обиженный на жизнь после смерти, расстроенный и обозленный, вампир полез в свою коробочку, бухтя, как старый дед.

– Триста лет! – раздавалось горестное и злобное из коробки, пока я переступала через торчащие сапоги. Никогда еще я не ждала, пока жених протянет ноги. – Триста лет я такого не видел! Это позор! Я думал, что здесь все будет по-

другому! Что у меня здесь будет свой замок!

– А у тебя что, замка нет? – усмехнулась я, вспоминая, что кинематограф обычно не обделял упырей тремя вещами: замком, мозгами и недвижимостью.

– Нет у меня замка! – злобно заметил Звентибальд из коробочки, переворачиваясь на другой бок. Дракула посмотрел бы на него, как на лузера. – Был когда-то! Пока крестьяне не сожгли его триста лет назад…

– И что? За триста лет ты не заработал на новый? – поинтересовалась я, оценивая брачно-мрачные перспективы типа: «влюбленные ждали будильника в коробке из-под холодильника».

– Да как ты смеешь! Я – аристократ! Я не работаю! Работают простолюдины! – заявил вампир.

Жаль, ведь я уже мысленно составляла ему резюме. Пока что там было только: «Работаю в ночную смену. Умею сосать и…» Да с таким резюме перед тобой открывается широкий мир трудоустройства из серии: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. По тыще за ночь с человека!»

– То есть ты ничего не умеешь? Триста лет ты просто летаешь по ночам и пьешь кровь? У тебя нет никакого образования? – наседала я, пока где-то в моем воображении один молодой вампир не вздохнул: «Я хотя бы учился… Метафаза Профаза… А этот вообще профан!»

– Зачем мне образование? Я – аристократ! Я могу в любой момент поправить свое материальное положение, удачно женившись! – фыркнули мне в ответ. – Я как раз присматривал себе очередную жену, за которой дают хорошее приданое!

– А куда делись предыдущие сердобольные женщины? – поинтересовалась я, с подозрением и опаской глядя на коробочку.

– Как там говорят в клятве? Пока смерть не разлучит нас? – самодовольно усмехнулся Звентибальд. – Жаль, последний замок в карты проиграл! Эх! Я был уверен, что отыграюсь! А она мне такая: «Любимый… Это же фамильный замок моего прадедушки! Как ты мог!»

Отлично! Проигрывают в карты, отыгрываются на женах!

– Стою я и думаю, – усмехнулась я, чувствуя, как меня передергивает. – За триста лет можно стать ученым с мировым именем, великим музыкантом, писателем, художником, научиться всему на свете! У тебя есть бессмертие! Вечность!

– А куда мне торопиться? Когда-нибудь… Может быть… – обиделся упырь. – Да кто ты такая, чтобы мне указывать, как нужно жить? Я живу так, как хочу!

– Триста лет ты мне нужен! – сплюнула я на коробку, глядя, как на улице начало светать. И все-таки он – Альфонс, а не Звентибальд. Определенно Альфонс.

Телефон лежал в коридоре, вампира отпевали рок-баллады о большой и трагической любви, а я тихонько готовила на кухне. Вода кипела в кастрюле, на сковородке шипело масло с зажаркой, а я тихонько чистила морковку, погруженная в собственные мысли. Нож соскользнул, и на руке выступила кровавая полоса. Сначала я не поняла, но потом увидела, что масштабы ранения куда больше, чем обычно. Бросив нож и морковку в раковину, я направилась в ванную, чувствуя, как меня мутит от вида крови. Пока я держала руку под водой, нервно сглатывая и прикидывая, где у меня лежат бинты, позади меня раздался шорох. Я посмотрела на свое побледневшее лицо в зеркале, но никого не было. Тяжело вздохнув, я вынула руку из-под струи воды, глядя, как рана снова наполняется кровью.

– Кровь… – послышалось за моей спиной, но в зеркале никого не было. Я обернулась и увидела чудовище с пенящимся слюной клыкастым ртом, с горящими глазами и знакомым окурком в волосах. Телефона не было, зато в одном ухе у него был наушник.

– Иди, спи! – прошептала я, пятясь. А пятиться было уже некуда.

– Кровь! Как я голоден! – просипел вампир, скалясь в мою сторону. Он схватил меня за горло и прижал к стене. – Кровь… Свежая кровь…

Резкий рывок в сторону моего горла, и я закричала от боли, пытаясь оттолкнуть вампира.

В глазах потемнело, я покачнулась, чувствуя, как слабеют и дрожат руки, пытающиеся оттолкнуть любителя не только трепать нервы, но и пить кровушку. Внезапно челюсти разжались, а рядом послышался знакомый голос.

Вампира с окровавленной пастью за волосы держал знакомый демон, сдувая прядь своих волос с лица.

– Как ты смеешь, дьявольское отродье! – прошипел упырь, скаля окровавленные клыки. – По договору я имею право делать все, что мне заблагорассудится!

– Вы слышите? Мне кажется, что кто-то громко плачет? – осведомился демон с улыбочкой, пока я мутными глазами смотрела на эту картину, зажимая липкую от крови шею. – Ой! Как неловко! Извините, это плачет во мне юрист! Он безутешен, так что разрешите ему высморкаться в договор! Если бы я знал, что мы с тобой будем бить друг друга гражданскими, уголовными и прочими кодексами по лицу в моем случае и по морде – в твоем, то я захватил бы их все.

– Ты пальцем не имеешь права меня тронуть по договору! – прошипел упырь, пытаясь вырваться.

– Нет, ну раз мы перешли на юридические аспекты, то да, ты прав. Пальцем я тебя тронуть не имею права. Но в твоем договоре на бракоустройство был такой пунктик. Цитирую дословно: «Я обязуюсь соблюдать законы мира, в который я попал», – спокойно заметил демон, а в его руке появился увесистый талмуд с надписью «Уголовный кодекс». – «За проблемы с законодательством, возникшие у Заказчика вследствие собственной глупости, тупости и аффекта, Исполнитель не несет ответственности». Вот законодательство…

Демон осмотрелся по сторонам, взвешивая в руке Уголовный кодекс.

– А вот… – мощный удар по лицу книгой застал упыря врасплох. – Проблемы. Очень. Много. Проблем.

Я впервые видела, как меня отчаянно защищает Уголовный кодекс со всеми поправками. Надо будет запомнить этот день. Боюсь, до второго такого я не доживу.

– Если будешь подавать апелляцию, то так и пиши, что возникли разногласия с уголовным кодексом, в связи с чем уголовный кодекс нанес мне тяжкие телесные повреждения, – вздохнул демон, добивая страдальца. – Нет, еще не тяжкие. Рановато я. Телесные повреждения средней тяжести. Вот так будет правильней. Как говорится, незнание законов не освобождает от ответственности. Так что между «читаем» и «чтим» есть некоторая разница.

Я сползала по стенке, чувствуя, как мутнеет все вокруг.

– Травмы, несовместимые с жизнью, – вздохнул «юрист», бросая на пол окровавленную книгу и поднимая с пола что-то белое. – Левый, да? Хм… До холодного оружия не дотягивает… Но мы дотянем! А теперь вон отсюда! Быстро забился в свою коробочку подыхать! Мы играем в прятки! Я вожу! Раз… Два… Три… Четыре… Пять! Кто не спрятался, я не виноват.

К моей шее устремилось мокрое полотенце, а потом мою руку закинули себе на плечо. Вторая рука подсунулась мне под колени. Меня несли в сторону кровати. Рану на шее зажали полотенцем, тяжело и взволнованно дыша мне на ухо.

– Наказание мое, потерпи, – заметил демон, снова сдувая пряди волос с лица. Я видела треугольник его груди, виднеющийся из расстегнутой рубашки, его глаза, которые искали, чем бы мне перевязать рану.

– Мне недолго осталось, – слабо заметила я, чувствуя, как язык еле-еле ворочается в пересохшем и внезапно охрипшем горле. – Я знаю, что скоро умру…

– Я так понимаю, что в местной поликлинике с насморком ты была совсем недавно, да? Иначе как объяснить такой пессимизм, – усмехнулся «юрист», осторожно отлепив полотенце от моей шее, а потом прижав его сильней. – Одному я уже прописал, сейчас пропишу тебе. От меня никто не уходил с пустыми руками! Где аптечка?

– А что? Демоны не могут лечить магией? – простонала я. Мне показалось, что я говорила так тихо, что меня никто не услышит.

– Извини, наказание мое. Я тут с производственного совещания на перекур вышел. Там еще сигарета тлеет, – усмехнулся демон, прикладывая мою руку к полотенцу, чтобы я держала. – Но это еще полбеды. Вот если кофе остынет,

тогда у тебя будут большие неприятности…

Через минуту, шурша блистерами таблеток, перерывая запасы моих медикаментов, демон достал нераспакованные бинт и вату.

– Я точно умру, – всхлипнула я, глядя в потолок глазами ипохондрика, у которого сбылась заветная мечта – его интернет-диагноз совпал с диагнозом врача. – Все плохо, да? Мне интересно, куда я попаду? В ад или в рай?

– Если буду проходить мимо, помашешь мне ручкой из котла! Разрешаю! – усмехнулся демон, снова перерывая лекарства в поисках чего-то одному ему известного.

– А если я хочу в рай? – всхлипнула я, вспоминая бухгалтерию за три последних года, сопоставляя ее с основными заповедями и расстраиваясь. – Очень хочу… Бухгалтеры попадают в рай? У меня в глазах темнеет…

– Только не умирай! – прошептал демон, бросаясь ко мне и держа меня за руку. – Я прошу тебя… Я этого не переживу… Умоляю… Главное, живи…

Внезапно его голос изменился, а в глазах заплясали дьявольские огоньки.

– Ты ведь это хотела услышать? – усмехнулся он, капая йодом на ватку. – Давай сюда руку!

– Почему руку? – прошептала я, чувствуя себя самым умирающим лебедем из всех умирающих лебедей. – Шею…

– Доктору видней! Руку! Я же сказал, что у меня кофе остывает! – заметил демон. – Я отведу тебя в ад… Давай…

Я вздохнула и протянула ему руку. Через мгновение порез на пальце защипал так, что я зажмурилась.

– Все! Лечение прошло успешно! – заметил демон, отбирая у меня полотенце. – Могу подуть и пожалеть… Фу-фу-фу…

– Так! Я что-то не поняла? – возмутилась я хриплым, как у прокуренной вороны, голосом. – Что это за театр приехал ко мне на гастроли?

– В Светланин Академический театр юного и наивного зрителя приехала дружественная делегация в лице одного худрука. Зажил твой укус, наказание мое. Вампирские укусы заживают быстро! Кровь свернулась, остались лишь короста и припухлость, – отмахнулся демон. – Впрочем, мне пора. Кофе остыл. Знаешь, есть такая примета. Соль рассыпать – к ссоре. Интересно, к чему рассыпать гречку? Проверишь – расскажешь…

Демон исчез, загадочно улыбаясь. Из коробочки все еще доносились всхлипы, свидетельствующие об остром экзистенциальном кризисе.

Я поворочалась, поворочалась и уснула. Проснулась я в шесть вечера, ощупывая свою шею. Окно в моей комнате было настежь открыто и хлопало створками на ветру. На улице было пасмурно, собирался дождик. Коробочка из-под вампира была пуста. Я, шмыгая носом и покашливая, включила ноутбук, забивая поисковой запрос на волнующую меня тему. «У укушенных наблюдаются симптомы, похожие на симптомы ОРВИ… – гласил первый сайт, заставив меня закашляться. Дрожащей рукой я листала сайт вниз, пробегая глазами текст, шмыгая забитым носом и слегка подкашливая. – Но это только начало! – Мои глаза расширились от ужаса. – Скоро у вас начнется светобоязнь! Любые вспышки яркого света будут вызывать у вас инстинктивное желание спрятаться в темноту! Но сначала у вас будут слезиться глаза, когда вы смотрите на свет!» – писали на сайте. Кстати, о свете! Я вспомнила, что у меня есть запасная лампочка, слазила в шкаф, достала ее и ввинтила в коридоре. Отойдя к выключателю, я осторожно щелкнула им. Вспышка невероятно яркого света озарила мое стойло! Такое чувство, словно это не лампочка, а прожектор. По щекам потекли слезы, я отвернулась, чувствуя приступ дурноты. Нет, лучше выключить. – «Потеря аппетита, бессонница… – Я впивалась глазами в строчки, поглядывая на кастрюлю с борщом и чувствуя, что кушать мне совсем не хочется. – Днем вас будет клонить в сон, зато ночью вы будете чувствовать себя бодрым и полным сил!» У меня всегда так! Ночью я бодра и полна сил, а днем ползаю сонной мухой, слегка прибитой отчетом.

– Я превращусь в вампира, – сглотнула я, ужасаясь. По телу пробежала волна дрожи и липкого пота.

«Липкий пот, учащенное сердцебиение…» – выхватила я глазами кусочек текста, пытаясь померить себе пульс. Караул! Если я раньше пила кровь фигурально, то теперь «налейте мне еще третьей положительной»! Я шмыгнула носом. Кому нужен хороший ночной бухгалтер с навыками сосания? Это раньше я умела сосать лапу, когда начинался сезонный спад продаж, а теперь судьба слегка расширила мой функционал.

Полчаса я успокаивала себя тем, что в случае чего всегда могу устроиться на работу, а потом, если будет производственная необходимость, отсидеть за генерального директора любой срок. Пока потерпевшие мотают сопли на кулак, истинный виновник мотает на ус, я спокойненько мотаю срок. Небесплатно, разумеется! Я всхлипнула, обнимая колени. И в магазин ходить не надо, если что! Вы цены видели? Да тут такая экономия, что я себе за десять лет на квартиру насобираю!

– Так, Света, – утешала я себя. – Втяни сопли, слюни, живот и возьми себя в колготки! Не все так плохо! Ты теперь бессмертна! Теперь ты сможешь слушать новости о повышении пенсионного возраста, улыбаясь всеми клыками! Ты можешь позволить себе ипотеку! Причем смело брать ее, зная, что выплатишь! Нет, ну вампиром быть хорошо… Они не болеют! Ты цены на лекарства видела? Схлопотала ОРВИ – кредит на лекарства бери! Вампиризм ничем не отличается от твоего отпуска, когда ты целый день дрыхнешь, чтобы к вечеру продрать глаза и засесть на всю ночь за компьютер!

Я проверила языком клыки, сморкаясь в одноразовые платки. Перед моими глазами стояла картина: лежу я в своем гробике, а тут мне звонят с работы. Днем! Будят, так сказать… Налоги, дескать, заплатить надо, но денег на счету нет! Последний срок! Я и в человеческом обличье в этот момент готова глотки всем перегрызть! Нет, ну брезгливый вампир-ипохондрик – это что-то новое! «Извините, я тут у вас кровь собираюсь пить, так что предъявите справочку!» – нежно замечаю я, вспоминая, каким вирусам все никак не спится.

Можно утешать себя сколько угодно, но я не хочу быть вампиром! «По народным поверьям, чтобы избавиться от вампиризма, нужно, пока не поздно, найти того вампира, который это сотворил, и уничтожить его! – вчитывалась я, растирая слезы по лицу и меряя себе температуру. – Учтите, у вампиров хорошая регенерация! Так что любая травма заживет, стоит ему только испить свежей крови! Если вампиризм не дошел до нужной стадии, то вам, возможно, поможет чеснок! Ешьте его как можно больше!»

Через десять минут я была в соседнем магазине, расплачиваясь за авоську чеснока. Первые две дольки я съела, кривясь, как преподаватель на защите заочников. Третья долька далась мне тяжело. После первой головки чеснока у меня изо рта был такой выхлоп, что в газете «Недвижимость» скоро появится как минимум пять объявлений: «Продам квартиру. Состояние хорошее. Срочно. Отдам почти задаром. Торг уместен!» После второй головки я посмотрела в окно: «И где этот вампир, которого нужно убить?»

«Вампиры никогда не бросают свою жертву! – было написано на ресурсе с мигающими летучими мышками. Ага, ни в беде, ни в еде! – Вкусивши кровь жертвы единожды, вампир сделает все возможное, чтобы довести дело до логического конца! Но можно спастись! Есть народные рецепты… Рассыпьте вокруг кровати просо или зерно. Вампир не сможет устоять и будет собирать его!»

Так вот оно что!!! Зерна не было, проса тоже, но были гречка, рис и манка. Где-то в голове появилась табличка: «Выберите уровень сложности!» На всякий случай я рассыпала все вокруг кровати, легла в позу Спящей красавицы. Температура поднялась, и я уснула. В первый раз я проснулась от злобного-злобного: «Тысяча сто восемнадцать… тысяча сто девятнадцать…» Второй раз я проснулась уже под утро. Голос, преисполненный ненависти, хрипел: «Десять тысяч двести шестьдесят один… Десять тысяч двести шестьдесят два…»

– Я там три пакетика положила, – прохрипела я, трубно сморкаясь. – Ты сразу по пакетам раскладывай.

– Десять тысяч двести шестьдесят восемь… – послышался ответ, преисполненный ярости.

– Смотри, черненькие не бери! Это я про гречку! Черненькие отдельно! И чтобы мусора не было, – зевнула я, поворачиваясь на другой бок. Какая прелесть! А я себе деньги на пылесос откладывала! Зачем мне пылесос, если есть кровосос? Не мужик, а сокровище!

Подняло меня ни свет ни заря, когда счет пошел на пятнадцать тысяч. Я высморкалась, задернула шторы поплотней, дабы мой пылесос не сломался раньше времени. Сонно наливая себе чай, я просыпала сахар.

– Воробушек! Лети сюда! – прохрипела я, кашляя и пробивая каплями забитый нос. – Я тут сахар просыпала! Под плинтусом не забудь собрать!

К трем часам дня у меня был самый чистый палас, самый чистый пол и злейший враг на всю оставшуюся жизнь. Мой «воробушек» смотрел на меня так, словно проклял тот день, когда обрел бессмертие.

– Какой же ты у меня хозяйственный! – я осмелела и погладила вампира по голове. – Какой же ты у меня молодечик! Не мужик, а золото!

В коридоре еще оставалось немного мусора. Прикинув по времени, сколько у меня есть в запасе, глядя на коробочку от пылесоса и на сам пылесос, чьи тонкие аристократические пальцы собирали по полу весь мусор, ведя строжайший учет каждой соринке, я достала пакет с крупной солью.

– Призовая игра, милый! У нас еще в коридоре грязненько… – сладко улыбнулась я, кашляя и снова оставляя свой сопливый автограф одноразовому платку. В тот момент, когда часы пробили шесть, я грустно провожала мой пылесосик-кровососик в последний путь. Впервые в жизни мне было так грустно, ведь на полу еще оставалось немного земли.

– Ну что? Как успехи? – спросил меня знакомый голос, когда я подметала пол после коробки. – Актики подписать не забудь!

На кухонный стол легли акты. В открытое окно подул ветер, и листики рассыпались по полу. Я бросилась их собирать…

– Были деловые, стали половые! Наказание мое, – усмехнулся демон, – все, ты скоро станешь настоящим вампиром! Видишь, ты уже бумаги с пола поднимаешь… Все плохо… Процесс необратим…

– Я правда стану вампиром? – у меня на глазах выступили слезы, а из красного растертого платком носа потекли сопли. – Можно что-то сделать?

– Ну… – коварно заметил демон, поглядывая на часы. – Возможно… Поменяй лампочку в коридоре! Триста ватт – это как-то многовато… Понимаю, что по скидке, но все же… Прикрой окно, вылечи простуду и прекрати ныть. Согласен,

это очень сложно, но ты попробуй. Так! У меня мало времени! Все, акты подпиши.

– Точно-точно не стану вампиром? – жалобно спросила я, закрывая окно. – И я не поняла, ты с женихами тоже контракт заключил?

– Я так понимаю, что болеть ты любишь, – заметил демон, пропуская мимо ушей второй вопрос. – Ничего, будем лечить…

Он исчез, оставив меня наедине с температурой, тремя килограммами чеснока и двадцатью шестью пропущенными вызовами, из которых пятнадцать – от мамы. Я отписалась, что у меня болит горло, заварила себе чай, выпила таблетку. Меня клонило в сон, я клевала носом, но я старалась не спать. В десять вечера меня сморило.

– Где ты? – прорычал голос за дверью, и раздалась тяжелая поступь. Я взглянула на часы! Полночь! С таким голосом хорошо устраиваться на горячую линию техподдержки, а с таким подходом – давить тараканов. – Отвечай! Немедленно!

Я усиленно вспоминала, где обитают самки Кинг-Конга и Годзиллы, боязливо заворачиваясь в одеяло. Где-то в преисподней сейчас кому-то очень сильно икнулось.

Глава пятая

Имхо, или НРЕ в пещере живешь!

Все мужчины в моей жизни делятся на «загадочных» и «догадливых»! То, что не загадили загадочные, догаживают догадливые.

Что-то ударилось о дверь комнаты. Дверь, которая и так держалась на соплях, гордо именуемых дешевой монтажной пеной, вылетела из петель и с грохотом упала на пол. Надо мной возвышалось огромное зеленое и полуголое чудовище, свирепо глядя на меня маленькими глазками. Я уронила челюсть, понимая, что

передо мной стояло дитя любви Шрека и Халка. Если у вампира клыки торчали из верхней челюсти, то этого мама когда-то явно утешала после первой клички «Бульдозер»! Где-то горестно и ревниво завыл соседский пекинес, чувствуя, что в радиусе вверенной ему территории появился еще один обладатель приплюснутой морды. И его будут любить больше! Пока меня нежно обнимал дед Кондратий, где-то перед глазами мелькала бабушка с косой. Моя нервная система занервничала, как девушка, которую хотят сфотографировать без макияжа: «Я такая растрепанная!»

– Моя. Будущая. Жена! – прорычало чудовище, поигрывая внушительными бицепсами, украшенными татуировками и глядя на меня, как на ползущего по стене таракана.

В этот момент икнул мой местный загс. Жених осмотрел комнату и недовольно засопел.

– Натягивать надо! – покачало головой зеленое чудовище, глядя на меня. Мои глаза округлились, я нервно сглотнула в предвкушении эротического триллера. Обычно, когда говорят «натягивать» я представляю шапочку, оценки и потолки, но что-то в этом случае я не вижу ни бубончика, ни зачетки, ни рулона.

– Что? – робко поинтересовалась я, мысленно прикидывая, как правильно писать завещание.

– Не умеют тут правильно натягивать! Сразу видно, что мужика в доме нет! – рыкнуло чудовище, глядя по сторонам. Ну да! Носки не стоят наказанные в углу, диван свободен, пивом не пахнет, полка прибита ровно и не держится на соплях! Сразу видно, что за деньги ее прибивали профессионалы, а не доморощенный «Ладно-ладно, только не ори». Запахло приключениями, которые обычно запоминаются надолго. Я опасливо отползла подальше. – Мой отец умел натягивать! Мой дед умел натягивать! И я умею.

Кто бы сомневался! Хоть бы это чудовище подрабатывало в фирме по натягиванию потолков. Я бы даже визиточку взяла… Для успокоения. Чувствую, что мне предстоит тут такой ремонт, что ни в сказке сказать, ни в завещании отписать.

– Плохой шатер, негодный. Не натянутый, – прорычал зеленый, пробуя стены на прочность. – И невеста хилая… Не дотягивает! Ничего, будем натягивать!

Да, а еще у меня и сопли. Не розовые и поэтические, как у наивных девушек, а вполне себе традиционные и прозаические. Я шмыгнула носом и стала сморкаться, давая понять, что ни дать по морде, ни взять свои слова обратно, когда согласилась «всех посмотреть», у меня не выйдет!

– У тебя мозги вытекают! Это проклятие, которое боги насылают на тех, кто много умничал! – посмотрел на меня зеленый доктор Ауженеболит. – Их надо втягивать обратно!

– Какие мозги? – возмутилась я, понимая, что с такой выпирающей челюстью и приплюснутым носом проблем с соплями возникать не должно. – Это же просто насморк!

– Вот… Много уже вытекло… Плохо, – философски заметило чудовище, оценивая мой умственный потенциал. Да, сопливая жена – это горе в семье. – Сейчас будем изгонять из тебя злого духа Соплежуя! Хилая невеста мне не нужна! Хилая невеста – позор для орка! А ну быстро встала!

– Чего? – прокашлялась я, не сводя взгляда с этого нахала. В голове крутилась песенка, которую будут петь мама и папа, глотая сердечные капли: «Зелененький он был! Представьте себе, представьте себе, зелененький он был!»

– Встала! – прорычало чудовище тоном, от которого хочется не только лечь, но и сжать покрепче в руках свечку. – Сейчас изгоним злого духа Соплежуя! Сейчас все быстро пройдет!

Все пройдет, пройдет и это. А вы, зелененький, будете проходить мимо, проходите. Можете даже не здороваться.

Я нехотя встала, поправляя халат и пряча в карман свой платочек, которым хотелось тут же помахать кандидату на мою конечность, но не тут-то было! Спорить с этой глыбой мне не хотелось.

– Да… Тоща как жердь! Мало проку с тебя будет! – разочаровался орк, глядя на мою фигуру. – Сейчас мы будем положопы и мордополы делать! Положоп – это жопой на землю! Мордопол – мордой в землю!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Под выбором подразумеваются те кандидаты, которые провели с Заказчиком 66 часов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yurash_kristina/venec-bezbrachiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить